

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 3 (78) 2011
май — июнь

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

**Тема номера:
ПОЧЕМУ ОДНИ
СЛЫШАТ ГОЛОС БОГА,
А ДРУГИЕ — НЕТ?**

- профессия — делать добро
- несокрушенный генерал
- «всё равно люди.
Только рубашка другой»

Протоиерей Владислав Свешников: Информационный шум века сего заглушает тишину мира небесного

Отец Владислав – один из тех священников Русской Православной Церкви, чье имя наверняка знает человек не просто воцерковленный, но пытливым, ищущий ответа на сложные и острые вопросы духовной жизни. Настоятель храма Трех Святителей на Кулишках и храма Казанской иконы Божией Матери в с. Пучково, доктор богословия, преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Московских православных регентских курсов, автор известных книг («24 слова о вере», «Очерки христианской этики», «Прикосновение веры»), последняя из которых – «Полет литургии. Созерцания и переживания» – вышла в издательстве «Никея» весной этого года. Встретиться и поговорить с о. Владиславом на тему этого номера «Лампады» было для нас чрезвычайно важно. И хотя батюшка, по его же словам, не поклонник жанра бесед, предпочитая иные формы, все-таки согласился, за что ему низкий от нас поклон.

Павел Демидов.

Фото В. Монастырева

– Отец Владислав, почему одни слышат голос Бога, а другие – нет? Как так?

– А голос Бога никто не слышит.

– Никто?

– Во всяком случае, теперь.

– Но какие-то люди все же живут по заповедям Господним. Значит, кто-то его слышит?

– Это не одно и то же. Нравственное содержание жизни определяется предметным исполнением заповедей, а не их отвлеченным содержанием, что мы называем заповедями Божиими. Во многих еще достаточно жизнестоек генетический нравственно-содержательный комплекс, накопленный предыдущими поколениями. От того, что было основой духовного содержания, уже все ушло, ничего не осталось.

– Чего именно?

– Могут только повторить: не осталось основы духовно-мировоззренческого содержания, этого главного всеначала бытия. А некоторые переживания относительно устройства жизни – всего лишь из области этики, которая, по сути, только дополнительное приложение к духовным смыслам. Этика, нравственность – замечательное содержание жизни, но по отношению к духовному смыслу это прикладное. Прикладное еще и потому, что в ближайшие два, три, максимум четыре поколения эти понятия окончательно поселятся в нише духовных рудиментов, а с каждым новым поколением будут ощущаться все слабее. Правда, некоторые новостные смыслы еще будут сохраняться. Однако все это никак нельзя назвать голосом Божиим, поскольку их родовый

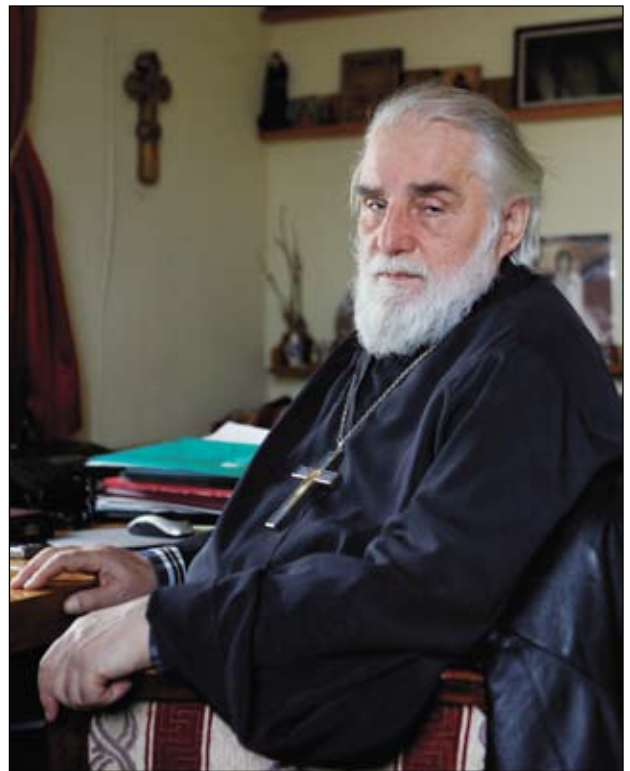
признак – все те же природные этические нормы и представления.

– А что же тогда можно назвать? Неужели никто ничего так и не слышит?

– Люди слышат не голос Божий, а собственные предпочтения, которые не отнести даже к работе своего ума или нравственного чувства. Они – порождение некоей давней внутренней традиции и уже в силу этого являются испорченными... Правда, с другой стороны, традиция эта и удерживает те нравственные смыслы жизни, которые у предков были больше развиты, а у их предшественников – в еще большей степени, и так далее. Можно сказать, что налицо как противоречие между прошлым и настоящим, так и согласованная динамика процесса с уклоном вниз.

– Однако люди все же приходят к вере. И продолжают приходить.

– Что касается того, как люди приходят к вере, почему они оказываются среди верующих... Наверное, можно сказать, что они отчасти и слышат голос Божий, но это будет не больше, чем просто образ. Когда говорят о голосе Божием, имеется в виду, как вы понимаете, не слово с маленькой буквы, адресованное тому или иному лицу, но Слово с буквы прописной. Это есть непосредственно Откровение Бога. Такое же умение или хотя бы нечаянная возможность услышать, как вы говорите, голос Божий, обретается сейчас с большим трудом и с чрезвычайной редкостью, обретается действительно чудесным образом.

– Из-за все той же нашей исторической испорченности?

– В философском смысле – наверное, да. Но лучше оперировать конкретными, более приземленными понятиями. Лет десять назад... нет, пожалуй, куда раньше, в нашу жизнь вошло явление, которое мы стали называть информационным шумом. Это не следует понимать вульгарно: мол, много болтовни, избыточных, необязательных сведений и так далее. Это весь стиль, строй и образ нашей сегодняшней жизни – с ее безудержной погоней за удовольствиями и острыми ощущениями, с ее разгулом страстей и душевным обнищанием. Информационный шум века сего заглушает то, что исходит из мира небесного. Он активен и настойчив. Ввергается в вашу свободу. В современном контексте, он развит и всеобъемлющ. Именно в силу этого тихий и не сковывающий вашей свободы голос Божий так трудно услышать. Вот никто его и не слышит. В лучшем случае, могут быть восприняты некоторые отголоски, из которых не получишь представления о своем месте в мире, но только ощутишь нечто, что тебе скажет: надо, пожалуй, менять жизнь, менять свои мировоззренческие установки. Но и в этом, чудеснейшем случае человек чаще всего не сможет понять, почему это откровение он услышал и почему

ему следует принять его как руководство к действию. Даже это всегда загадка. Это – из сферы духовной интуиции, что ли... и всегда очень личное. К слову, то, что мы здесь называем голосом Божиим, может быть услышано очень редко и не только потому, что он оказывается перекрытым информационным шумом. Может оказаться бессильной даже собственная интуиция, поскольку и она заглушается или искажается постмодернистским¹ кривлянием.

– **Можно ли считать интуицию эхом голоса Божия?**

– Может быть, да... Но, может быть, и нет.

– **То есть, это может быть как справа, так и слева.**

– Вполне возможно. Тем более что окончательных критериев для тех, кто начинает чувствовать небесное содержание, которое превосходит мирское, земное, окончательных критериев, как правило, нет. Поэтому неизбежны и ошибки. Не может случиться, чтобы из одного источника текла, как говорит Апостол, и горькая, и сладкая вода. Так – по норме. Но можно ли назвать нашу жизнь нормальной? И тогда горькое называют сладким, а сладкое – горьким. Даже самый добродетельный человек, для кого верные смыслы становятся главными смыслами его жизни, через день об этом может забыть. И только по каким-то удивительным обстоятельствам они становятся основными навсегда. Вы же видите, что при всей кажущейся симпатии к православию со стороны, можно сказать, большинства народа русского, тех, кто реально стремится соотносить свою жизнь с подлинным пониманием Церкви, – ничтожные единицы.

– **И на уровне, как говорится, народных масс, и на самом высоком уровне...**

– Увы, да. К сожалению...

– **Скажите, батюшка, а нынешние жесткие события, которые происходят сейчас в разных странах, можно считать явлениями, которые имеют общую первопричину?**

– Кто знает... Скорее всего, исходя из них можно увидеть некоторые возможные, предполагаемые следствия, которые вполне вероятно будут иметь

если не целостно катастрофический характер, то, во всяком случае, безусловно, лежат в русле катастрофическом. И экономика, и социальная жизнь, и политическая жизнь, без сомнения, испытают на себе их воздействие. А более конкретно, я думаю, сейчас невозможно сказать.

– **Хорошо, а как же быть тогда каждому отдельно взятому человеку?**

– Для тех, кто живет в Церкви и кто церковные знания считает более существенными, чем собственные личные суждения, для них в целом вопрос обстоит довольно определенно как в его историческом контексте, так и применительно к каждой конкретной ситуации. Для тех же, кто не склонен к единству с Церковью, думаю... словом, я бы не хотел оказаться на их месте. У этой категории иногда могут быть совпадения с верными смыслами понимания событий, но они крайне редки. Чаще будут иметь место несовпадения, и в зависимости от степени мотивации и оценок происходящих событий могут быть очень серьезные несоответствия церковному пониманию и, значит, объективному знанию жизни. Например, некоторые участники модных ныне политических телевизионных ток-шоу во многом симпатичны во всех отношениях. Даже такой слишком манифестирующий себя человек, как Сергей Ервандович Кургинян, может говорить довольно верно, но поскольку он не соотносит суждения с объективным нравственным смыслом, это приводит к настолько неверным представлениям, что ценность его воззрений почти теряется. Подобны ему и многие другие. Например, философ, который в свое время очень много значил для формирования наших ощущений и понимания новых исторических тенденций, по крайней мере в том смысле, что он резко выступил против социалистического строя сознания...

– **Вы имеете в виду Ципко?**

– Совершенно верно – Александра Сергеевича. У него было очень много верных и здоровых мыслей. Но все это связано с таким глубочайшим субъективизмом, что если и ориентироваться на них хоть отчасти, делать это следует очень осторожно. Ну и много таких других. Скажем, тот же Леонтьев.

– **Конечно, нынешний Леонтьев?**

– Разумеется, Михаил, а не Константин Николаевич.

– **Максим Шевченко?**

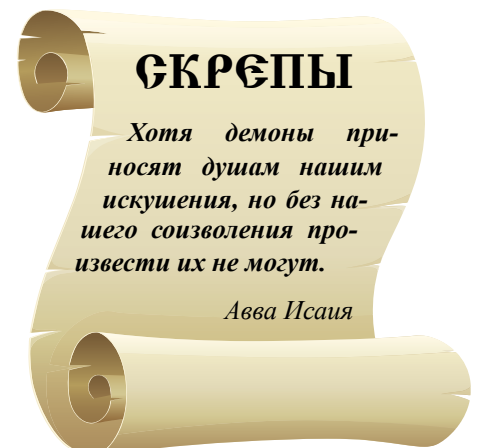
– Шевченко, по крайней мере, позиционирует свои понимания довольно опре-

деленно с православием, хотя, конечно, у него православие сильно подпорчено либерализмом. И так у всех, для кого не стало на первом месте безусловно то объективное знание, которое предлагается Церковью. Или хотя бы ощущение этого знания как некоей абсолютной ценности. Однако чаще имеют место собственные интерпретации, что уже само по себе всегда лучше уж ориентироваться в практике на события, ибо в них всегда отражается Промысл Божий.

– **Но ведь и на события мы ориентируемся в их интерпретации. Потому что мы едва ли можем быть очевидцами любого события. Мы так или иначе что-то узнаем опосредованно. Значит, какой-то элемент субъективизма есть всегда.**

– Субъективность сама по себе – это неизбежное свойство каждого. Всякий человек – ложь, как сказано у псалмопевца. Однако если мы в своих поисках правды оперируем смыслами и знаниями, которые предлагает нам Божественное Откровение, вероятность меньшего числа ошибок все же выше. Они, наверное, и в этом случае могут быть, но все же, вольно или невольно, мы пытаемся скорректировать их в нашем соборном сознании... Впрочем, соборность – слишком сильно сказано, скорее, это некий совещательный контекст нашего сознания. Но сейчас, в постмодернистскую эпоху, по-видимому, и такой мировоззренческий контекст почти не встречается, ибо даже те институты и организации, которые позиционируют себя как христианские, действуют, как мне кажется, тоже в постмодернистском ключе. Для них главное – пар, свисток, а реального дела нет никакого. И, пожалуй, ничего иного и не может быть. Не похоже на то, что оно возможно...

– **Благодарю вас, отец Владислав.**

СКРЕПЫ

Хотя демоны приносят душам нашим искушения, но без нашего соизволения провозвести их не могут.

Авва Исаия

¹ Постмодернизмом в современном контексте можно, в частности, назвать сознательное, демонстративное, а порой и вульгарное отвержение Божественных установлений и даже противодействие им в любой из сфер человеческого бытия. – Ред.

У каждого свой союз с Богом. А Его хватит на всех

– Почему одни люди слышат голос Бога, а другие – нет? Как вы думаете?

– Думаю, что скольким вы зададите этот вопрос, столько же получите и ответов. Лично я вряд ли смогу ответить вам.

– Почему?

– Да потому, что не знаю, почему. Один не хочет слышать Бога. С самого начала. Либо...

– А о себе вы можете сказать: я тогда-то услышал голос Бога? Господь впервые обратился ко мне?

– Этого я тоже не знаю. Может, никогда Он и не обращался ко мне.

– Может, Он просто всегда жил в вас, а вы жили с Ним?

– О себе сказать: всегда – я не могу. Я был неверующим человеком.

– А что-то вас подтолкнуло к вере?

– Что-то – да...

– Вы не задумывались над этим?

– Задумывался. Но если

вы захотите спросить, что именно было это что-то, ответить сразу на этот вопрос я не смогу. Потому что один был толчок, другой, третий... Происходило какое-то нарастание.

– А вот что конкретно...один, другой, третий? Я понимаю, что эти события подчас могли быть малозаметными, они не заявляли о себе громко. Но все же: что это могло быть?

– Я одно время очень увлекался йогой. Записался даже в какую-то группу и там увидел каких-то гуру. Я был возмущен донельзя. Как может быть среди них – Христос?! Как это так?! Это что, Он, вместе с этими йогойками? Это же Христос!

– Но вы были еще неверующим человеком?

– В общем-то, да...

– Однако отношение ко Христу было особое.

– Совершенно особое, хотя объяснить причину этого я бы тогда не смог. Больше я к ним не пошел. Все эти рассуждения о карме, о предопределенности жизненного пути... Какой-то там парень убил своего отца. И может, он тем самым улучшил свою карму. Бред какой-то! Выходит, я сейчас могу взять топор, выйти и кого-нибудь хряпнуть? И улучшу тем самым свою карму... Просто ужас! Считать это толчком? Не знаю... Может быть... Купил я еще в те времена у кого-

то Евангелие. Начал читать. Появилось много вопросов. А ко мне часто заходил Ленья Дербенев. Знаете такого?

– Конечно! Прекрасный поэт. У нас с ним один духовный отец.

– Да что вы! Как интересно! Я к нему с моими вопросами. Как это понимать, как – то?.. Он и стал, можно сказать, первым духовным просветителем на моем пути приближения к Богу. Может кому-то показаться и незначительным такой случай, но для меня он тоже стал в какой-то мере толчком. Нужно мне было повесить дома четыре книжных полки. Полдня ковырялся – ничего не получается, хотя держать в руках молоток умею. Вечером пошел в храм, подхожу к батюшке и рассказываю про свою незадачу. Знаете, что он мне сказал?

С выдающимся режиссером отечественного кино Евгением Таишковым беседует главный редактор «Лампады» Павел Демидов. Фотографии Сергея Шичалина.

– Помолитесь?

– Совершенно верно! Я послушался его совета и все четыре полки за полчаса повесил. Многие, знаю, скажут: совпадение. Но простое совпадений не бывает. Всё существует в причинно-следственной связи. Есть только одно совпадение – с Господом Богом, с Его волей.

– Но как узнать ее? Как услышать голос Бога?

– Думаю, у каждого это происходит по-своему. Потому давать советы, исходя из собственного опыта, – можно только напортить. У каждого – свой союз с Богом.

– А Его хватит на всех. Помните, как он накормил несколькими хлебами и пять, и семь тысяч человек?

– И сколько еще осталось! Господь неисчерпаем. Нужно только хотеть приникнуть к Нему.

– Много, наверное, зависит от священника, от того, насколько он чувствует и понимает прихожанина.

– Очень много зависит. Помню, ходил я в храм только по воскресеньям. И мне батюшка как-то говорит: попробуйте ходить еще и в субботу. Лучше будете себя чувствовать. Он имел в виду не здоровье, а духовное состояние. Я попробовал раз, другой, третий... А очень скоро почувствовал, что уже трудно обходиться без регулярного посещения храма по субботам и воскресеньям.

– Нет ли у вас, Евгений Иванович, чувства успокоенности, ощущения какой-то особой безопасности, когда находитесь в храме? У меня, например, есть.

– У меня тоже. Все трудности, проблемы остаются за порогом, они существуют по-прежнему, но как бы отдалены.

– Получается, чем больше времени ты проводишь в храме, тем спокойнее на душе.

– Так оно и есть. То же относится и к церковным Таинствам. Поначалу я причащался один раз в месяц, многие считают это правильным, не буду спорить. Но настала пора, и я стал чувствовать себя от этого неуютно и даже как-то странно. Подошел к батюшке. Он посоветовал: «А вы попробуйте причащаться не через четыре недели, а через три». Через какое-то время спросил: «Ну, как? Лучше?» А мне и в самом деле стало лучше. Тогда он говорит: «Теперь попробуйте через две недели». Сегодня я уже и не представляю, как можно причащаться только один раз в месяц.

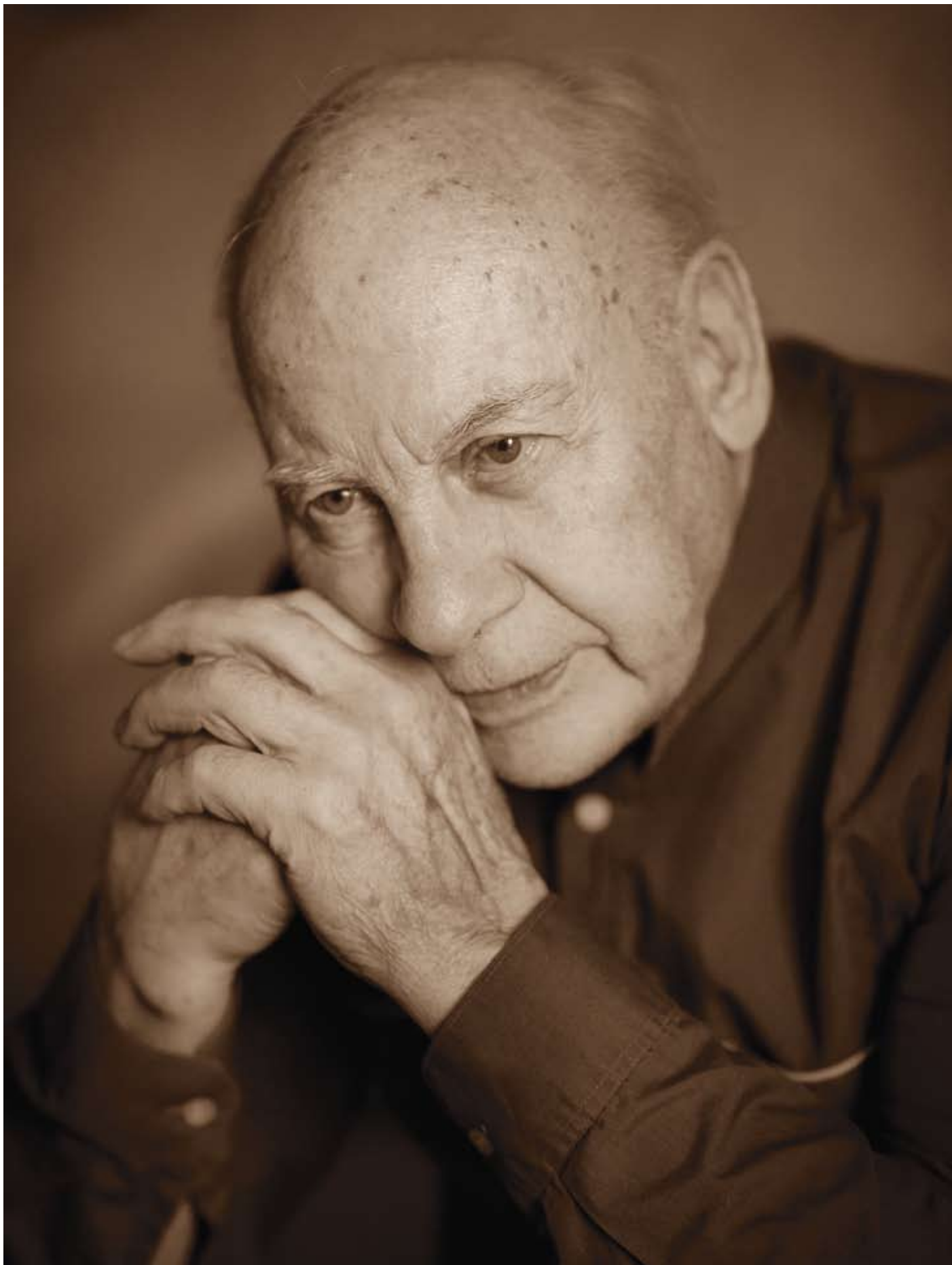
– Это, наверное, как дышать. Мы не можем не дышать постоянно и регулярно. Точно так же постоянно и регулярно мы не можем не причащаться. Иначе душа засохнет.

– Именно – засохнет. Мое движение в вере было не порывистым, а постепенным. Даже как-то пришел к своим студентам, я преподавал тогда во ВГИКе, и говорю им: «Если будете ходить в храм каждые субботу и воскресенье, то через год кончите первый курс богословского университета».

СКРЕПЫ

Самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним.

*Преподобный.
Никодим Святогорец*

– А теперь, Евгений Иванович, пожалуй, главный вопрос. Каким образом вера помогает вам в профессии? Я понимаю, конечно, что вы и молитесь, и просите. Это – естественное поведение каждого верующего человека. Но вы чувствуете поддержку, помощь Божию, когда работаете? Ваша последняя картина, «Три женщины Достоевского», это такое чудо, такая совершенная вещь...

– Нет, по этому поводу я не молюсь. Мне кажется, что это суетные дела. Какая-то картина, кто-то что-то снимает... Всё это суетные дела. Я молюсь о том, как бы обрести Царство Небесное. Бог почему-то помогает мне в моем деле, почему – я не знаю, но я не прошу у Него именно об этом. Я прошу о куда более важных вещах. А то, о чем вы спрашиваете, я считаю, это вещи низкие.

– Но Господь, конечно же, вам помогает. Все ваше творчество такое чистое, я бы назвал его прекраснотушным... Нет, без помощи Божией такое невозможно. Вы не делаете фильмы на религиозную тему, но все ваши работы – это православные, чистые фильмы. Они религиозны по своей сути, даже если эта картина не связана с таким писателем, как Достоевский. Я помню ваши первые фильмы – «Жажда», «Адьютант его превосходительства»... Чувствуется, что это делается с чистой душой и с помощью Божией. К сожалению, сейчас в кинематографе...

– Этого нет.

– Вы закончили мою фразу.

– Это все в прошлом. Не знаю даже, когда вернется, и вернется ли. Так всё изуродовано... И телевидение, и зритель... Мы сняли картину («Три женщины До-

стоевского» – П.Д.), а – кому ее показывать?

– Когда на премьере в Доме кино продюсер Андрей Разумовский сказал, что прокат не хочет брать этот фильм, я подумал, что ослышался.

– К сожалению, нет.

– Ужас какой-то!

– Ситуация угнетающая. Всё диктуют воля, напор, нахальство. Или деньги.

– То, что сейчас происходит в кинематографе, я называю кинотеатр попкорнового фильма.

– Это очень точно.

– Если посмотреть шире, это – метафора вообще сегодняшней нашей жизни. Всё для максимального получения удовольствия! Где уж тут услышать голос Бога? У Господа он тихий. Его легко может заглушить хруст жареной кукурузы.

– Да... Ни в коем случае не дать человеку включить сердце или мозги. Только страсти! Одни страсти!

– Неужели теперь так будет всегда?

– Насчет «всегда» – не знаю. Но думаю, что это долгая история. Нынешнее поколение уже выращено таким. Кем хотят стать девушки? Да кем угодно, лишь бы жить в богатстве и удовольствиях! А юноши? Им подавай только очень большие деньги, классный автомобиль, красивую спутницу... Какой там Достоевский!.. Потребительский подход ко всему воспитывается, вбивается настолько сильно, что с души воротит. Тебя все время толкают под локоть: пить надо вот это, а есть – это, а носить – это... Сникерс или памперс – не понимайте меня буквально – это не безобидная штука. Все они потихоньку пеленают

вашу душу, делают ее невосприимчивой ни к чему и ни к кому вокруг, но только к собственным удобствам и желаниям. Чудовищные дела, и кончатся они плохо для нас.

– А плохо – это как? Что произойдет?

– О, сколько еще впереди!.. Мы, конечно, уже многого добились. И детей у матерей забирают. И мамы от детей отказываются. Дети подают в суд на родителей. Родители – на учителей. Теперь вот ювенальная юстиция стучится в дверь.

– Не стучится – вламывается.

– Пожалуй, так. Там и до эвтаназии рукой подать... Путь широк. А дорога одна. К диаволу. Мы пока еще на обочине, но надолго ли нас хватит? Больно уж боимся отстать от времени. Особенно по части эротических откровений. Похоть начинает править миром. А слово это, между прочим, одного корня со словом хочу. Получается, что главным желанием, главным хотением становится похоть. Печально...

– Можно сказать о таких: они не слышат голос Бога?

– Наверное, да. Если б слышали, разве жили бы так?

– Значит, те, кто слышат, живут иначе?

– Хотя бы стараются. Я так думаю. Человек, который не ставит себя впереди Бога, – не стремится притянуть к себе главное внимание.

– Вернусь к нашему кинематографу. Есть молодые, талантливые режиссеры. Но они какие-то...отмороженные, без чувств. Только расчет. Они профессию знают. И дело делают грамотно.

– А это еще страшнее. Когда с мастерством, но без души.

«Три женщины Достоевского»: сыновья Алексей и Андрей

– Я вспоминаю один недавний фильм. Сюжет: человек работает в крематории, и бандиты приезжают к нему сжигать трупы. Может человек с нормальной психикой придумать такое? На западе фильм пользуется успехом, как все, что добавляет черную краску в портрет нашей страны. Тот же «Край», который уже обвешан наградами. А смотришь его – жить не хочется. Уже знаешь: если дадут приз нашему фильму – значит, его смотреть невозможно: сплошная чернота и безнадёга.

– Мне таких, с позволения сказать, «творцов» – жалко. Они все изломаны, им выправлять свою душу надо, а они берутся поучать других. Как-то я поехал в Мюнхен, там был фестиваль молодежный. Посмотрел программу... Батюшки мои!.. Один фильм чернее другого. Скажут: я устарел, отстал от жизни. Оказывается, действительно – отстал! В конце вышел какой-то солидный господин и стал раздавать оценки, и вышло, что самое грязное и мерзкое получило у него самую высокую похвалу. А молодежь слушала его и поддерживала. Были два нормальных фильма, притом очень хороших, так их даже не поставили в показ. Честно говоря, я не знаю, что с этим делать.

– И что же, Евгений Иванович, мы должны голову в плечи и покорно ждать, пока нас пропустят через эту мясорубку? Верующим людям ясно – быть с Богом. А что делать другим? Также идти к Богу? А как идти к Нему?

– У каждого свой путь. Очень индивидуальный. Как можно советовать – ты иди по такому пути, а ты – по такому?

– Но ведь, самое главное, надо еще и хотеть этого. Если ты не будешь хотеть, Господь тебе не поможет. Он насильно не будет делать тебя счастливым. А как им подсказать, что надо захотеть?

– Я вспоминаю, что делал до 10 класса. Я прочитал огромное количество классической литературы. Это заложило во мне представление о том, как жить надо. Я знаю, многие считают, что книги ничему не учат, но я другого мнения. Именно тогда я уже знал, что дурно, а что отвратительно, а что прекрасно.

– Можно сказать, что так вы слышали голос Бога?

– Думаю, что да... Этот путь, наверное, был бы полезен и сейчас.

– К сожалению, нынешние начальники от образования, похоже, придерживаются другой точки зрения. Надо сказать, что нравственное воспитание людей вообще не очень заботит светские власти. Одна надежда на Церковь.

– Патриарх Кирилл придает этому вопросу очень большое значение. Я надеюсь, люди пойдут за ним в этом направлении, пойдут миссионеры и будут проповедовать нашу веру, а это и есть высшая школа нравственного воспитания. А все мы так в нем нуждаемся! Сейчас мы находимся на очень низком духовном уровне. Наша вера во много сегодня ритуальная, обрядовая. Пойти в храм, поставить свечку, спросить, какому святому помолиться, чтобы не болели зубы. Нам чуть ли не заново нужно начинать просвещаться.

– Гигантская работа...

– Не то слово! Если хотя бы толика из нас проникнется подлинной верой,

это уже будет большой победой. Когда я встречаю православных людей среди газетных или телевизионных журналистов, я словно воспаряю духом: еще не все потеряно! Пусть их пока не так уж много, но число их будет расти.

– Число тех, кто слышит голос Бога.

– Вот именно! И не только слышит, но и слушает его. Последнее, наверное, особенно важно.

ЧТО СМОТРЕТЬ У РЕЖИССЕРА ТАШКОВА

- Три женщины Достоевского*
- Ловкачи*
- Подросток*
- Уроки французского*
- Преступление*
- Дети Ванюшина*
- Адъютант его превосходительства
- Майор «Вихрь»
- Приходите завтра*
- Жажда
- Страницы былого

* И автор сценария

В 17 фильмах
Евгений Иванович снялся как актер

Актриса и жена Татьяна Александровна в том же фильме

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Ольга Козэль, 35 лет, филолог</i></p>	<p><i>Александра, 35 лет, домохозяйка</i></p>	<p><i>Заал, 41 год, бизнесмен</i></p>
			
<p>Голос Бога – это совесть, интуиция, что-то другое?</p>	<p>Это ближе к понятию совести, но подкрепленное заповедями Христовыми.</p>	<p>И совесть, и интуиция, и что-то другое.</p>	<p>Совесть. Только она может удержать от падения. А это и есть голос Бога.</p>
<p>Почему одни слышат голос Бога, а другие – нет?</p>	<p>Здесь все зависит от духовной жизни человека. Если человек живет напряженной духовной жизнью, то он ближе к Богу, он слышит голос Бога. Если человек далек от Бога, то меньше его слышит.</p>	<p>Думаю, те просто не хотят. Так им удобнее.</p>	<p>В первую очередь, они еще не разобрались в себе, чего хотят.</p>
<p>Приходилось ли вам слышать голос Бога? Когда?</p>	<p>Приходилось слышать голос Бога не в буквальном смысле – в определенных жизненных ситуациях получать вразумление.</p>	<p>Приходилось. Правда, чаще всего я это понимала задним числом.</p>	<p>Голос Бога я слышу всегда – Бог во мне.</p>
<p>Всегда ли вы поступали так, как подсказывал вам Бог?</p>	<p>Нет, не всегда.</p>	<p>Нет, не всегда. Этот ответ частично вытекает из предыдущего.</p>	<p>Увы, нет, хотя всякий раз после этого намеревался исправиться.</p>
<p>Приходилось ли вам сожалеть о своем непослушании?</p>	<p>Да, приходилось. И не раз.</p>	<p>Конечно, приходилось. Еще как!..</p>	<p>Я считаю, что сожаление – самая бесполезная вещь. Я не сожалею, но надеюсь на то, что Господь Бог простит.</p>
<p>Приходилось ли вам сожалеть о своем послушании?</p>	<p>К сожалению, бывает сложно понять, поступаешь ли по воле Божьей или по своей.</p>	<p>Нет, конечно.</p>	<p>Нет.</p>

ПОЧЕМУ ОДНИ СЛЫШАТ ГОЛОС БОГА, А ДРУГИЕ – НЕТ?

Анкета «Лампады»

<p><i>Александра, 20 лет, студентка</i></p>	<p><i>Людмила Ильинична, пенсионерка</i></p>	<p><i>Сергей, 35 лет, экономист</i></p>	<p><i>Галаев Евгений Сергеевич, 64 года, заслуженный артист РФ</i></p>
			
<p>Я думаю, что интуиция – это тоже подсказки Бога: как поступить в той или иной ситуации.</p>	<p>Для меня это, скорее всего, интуиция, а совесть была развита, и в жизни тяжело было пришлось.</p>	<p>Совесть – это интуиция, в моем понимании.</p>	<p>Это совесть, и ничто другое.</p>
<p>Все слышат. Кто-то просто не хочет слушать, чтобы поступать по-своему.</p>	<p>Я затрудняюсь на этот вопрос ответить.</p>	<p>Я думаю, что каждый Его слышит постоянно, но не всегда прислушивается и разбирается в этом.</p>	<p>Почему же не слышат? Нехристи, наверное. Я так понимаю.</p>
<p>Приходилось, конечно, много раз. Сложно сказать, когда.</p>	<p>Не знаю. У меня дважды была клиническая смерть, и я помню видение такое: темный туннель и в конце его свеча и вся моя душа так стремилась туда.</p>	<p>Приходилось. Это, я считаю, бывало в критические моменты моей жизни.</p>	<p>Да, когда чуть не умер. А в повседневной жизни... нет, пожалуй.</p>
<p>К сожалению, нет. Порой даже просто точно знаю, что так нельзя. А поступаю....</p>	<p>Я всегда поступала, как мне моя совесть подсказывала.</p>	<p>Нет, не всегда. Если бы всегда поступал, как подсказывает Господь, может быть, стал бы святым.</p>	<p>К сожалению, не всегда.</p>
<p>Да, приходилось довольно часто.</p>	<p>Представьте, нет, не приходилось.</p>	<p>Конечно, приходилось!</p>	<p>Еще как!</p>
<p>Радовалась, когда поступала правильно.</p>	<p>Когда поступаешь по совести, никогда не жалеешь.</p>	<p>Никогда не приходилось.</p>	<p>Никогда.</p>

Тайна слышания

Батюшка и его чада

«Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 11;15) Здесь есть тайна, за завесу которой пытаются проникнуть опасно. Почти неизбежно возникает соблазн, с одной стороны, объяснить все «за Бога», а с другой стороны, и в то же время – осудить «не слышащих».

Хотя выносить суждения и определения о Божием Промысле дерзко и бессмысленно, но размышлять об этом – наше право. Право, дарованное нам вместе со свободой. Право, дарованное усыновлением Всевышнему. Право, дарованное любовью к близким и заботой об их спасении. Понять, как к такому явлению относиться, как на него реагировать, необходимо. Для того, чтобы наша любовь к ближним (да и вообще любовь во Христе, в том числе – ко врагам) была зрячей. Чтобы наши благие усилия не выстлали дорогу во ад.

Ведь мы часто встречаемся с ситуациями, в которых человек, напе-

рекор очевидности, логике, обстоятельствам, и, в конце концов, наперекор своей же пользе отталкивает от себя руку Божию или просто не замечает ее.

Был в моем служении такой случай. Август 2000 года. С просьбой о крещении сыновей, мальчиков 12 и 14 лет, обратился NN, доктор наук, декан университета. В субботний день семья приезжает к нам в церковь. После продолжительной беседы с мальчиками начинается чин оглашения. Доходим до Крещения и отправляемся на реку.

Иду по берегу лимана. Удушающая жара; как говорят в Украине,

спэка. Речная вода в Днепро-Бугском лимане, на берегу которого стоит наш Свято-Никольский храм, зацвела ряской и превратилась в грязную зелено-коричневую кашу. Жарко, ни дуновения. Зацветшая зеленая вода слегка колышется, словно тяжело дышит. То там, то здесь виднеется мусор: пластиковые бутылки, арбузные корки... Как крестить в такой воде? Как в нее детей заводить? И что с моим облачением будет – ведь самому по грудь в воду заходить? Но нечего делать, крестить надо – не назад же идти... Будь что будет, Господь управит. Снимаю обувь, захожу в воду по щиколотку; в мути ряски дна

не видно уже на глубине нескольких сантиметров.

Начинаю Крещение: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа». Доходим до чина водосвятия: «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя». Читаю молитвы водосвятия. Затем мельком смотрю вниз и вижу ступни своих ног, стоящие на желтом песке дна реки. Осматриваюсь вокруг. Вода впереди совершенно прозрачная. Вправо и влево, метрах в пяти по сторонам, проходят четкие полосы границ чистой и грязной воды. Слава Богу! Заходим с мальчиками поглубже, погружаю их в освященную воду. Далее возвращаемся в церковь – завершать Крещение. Когда прошли метров сорок по пляжу, оборачиваюсь: по всей реке – зеленая поверхность воды, а там, где мы крестили, – темная, чистая полоса, ровная, словно линейка, перпендикулярно уходящая от берега к центру лимана, к фарватеру.

А первыми происшедшее заметили дети из нашего семейного детского дома, которые загорали на берегу. С криками: «Папа воду очистил!» они бросились купаться. Быстро сбегались и другие купальщики. И вот что меня изумило: чистую воду увидели десятки людей. Божию руку не увидел никто, кроме уже воцерковленных людей. Никто из купальщиков не зашел в церковь, изумленный очевидно сверхъестественным событием, даже не подошел ко мне выразить свое удивление. Как это объяснить? «Кто имеет уши слышать...».

Можно ли из этой истории сделать какой-то вывод? Например, можно ли считать, что чудо Божие есть необходимое и достаточное условие для уверования? Конечно, нет. С одной стороны, сам факт чудес недостаточен для принятия веры. Более того, являемые в Церкви чудеса (мироточение, чудо Плащаницы и другие) стороннему наблюдателю зачастую совершенно неубедительны и не являются неоспоримыми аргументами. В наше время, время разгула всех видов оккультизма, экстрасенсы демонстрируют иногда весьма впечатляющие «чудеса». Значит ли это,

что нужно поклониться их «богам»? С другой стороны, множество людей пришло к Богу не через внешние впечатления, но благодаря звучащему в их сердце¹ голосу Творца.

Ошибкой был бы и вывод, что люди уверовавшие духовно якобы более тонки и возвышенны, чем *неверы*. Так считать – непозволительная дерзость. Ведь Евангелие говорит нам, что «не здоровые имеют нужду во врачех, но больные» (Мк. 2;17) и что «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец» (Ин. 6;44)². И, конечно же, не только чудеса являют нам возможность встречи с Богом. Не вместимые ни в какие рамки дары Евангелия, Евхаристии, Церкви, дары любви, красоты, познания, творчества – все поет о величии Божиим. Тем не менее, многие этой музыки не слышат. Почему?

Можно только предполагать. Возможно, по Промыслу Божию, для них еще не пришла пора слышания – нам ли осуждать таковых? Может быть, мы просто не понимаем их жизни, меряя все своими мерками, – нам ли осуждать их? Или они на своем пути встретили такие испытания и искушения, которые нам непосильны, – нам ли осуждать их?

Из всего сказанного возможен один вывод: склоним голову пред тайной Божиего Промысла и не будем пытаться препарировать ее своим рассудком. Нам прилежит только путь, основанный на двуединой заповеди Евангелия: путь смиренной любви к Отцу и путь деятельной любви к ближним. Это и есть единственный ответ на вопрос: почему одни верят, а другие – нет? Потому, что таков непознаваемый Промысл Отца, и нам нужно не испытывать его, а служить ему. Сознательно и активно.

¹ «... дело закона у них написано в сердцах...» (Рим.2;15)

² В Евангелии есть тексты, имеющие как бы противоположный смысл. Это – антиномии, свидетельствующие о надмирной истинности учения. (Антиномия – от греч. Antinomia: противоречие в законе; рассуждение, доказывающее, что два высказывания, являющиеся отрицанием друг друга, вытекают одно из другого).

Но как – служить?

Говоря не от лица церковной полноты, но как рядовой священнослужитель, попытаюсь дать на это свое видение ответа. Итак, будем исходить из того, что:

призвание Божие есть тайна, и не нам судить ни о самом призывании, ни об ответе человека на него;

каждый человек есть возлюбленное чадо Божие, независимо от его жизни, вероисповедания, воцерковленности в православии. Суд над личностью и душой человека принадлежит только Создателю. Мы же призваны к одному: являть правду Божию любовью;

чудотворения и откровения – не в нашей возможности. Но нам дано своей христианской жизнью открывать близким и миру образ правды Христовой.

Не будем предаваться осуждению и ропоту, если наши близкие отвергают встречу с Отцом. Лучше укорим себя. Любовь не в том, чтобы судить, отвергать, насильно воцерковлять, а в том, чтобы служить. В этом наш подвиг любви, являемый по подобию подвига Спасителя: «Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши» (1Петр. 3;18). Будем учиться и стараться жить так, чтобы близкие через нас могли увидеть отсвет Истины Христовой. Результат же, независимо от того, нравится ли он нам, понимаем ли мы его, – примем как из рук Божиих.

СКРЕПЫ

Положите себе за правило ежедневно благодарить Господа.

*Святитель
Игнатий Брянчанинов*

Она писала иконы, пока не ослепла окончательно. А потом сестра Иоанна оглохла. И так дождалась до 90 лет, словно уйдя в затвор, отгородившись от суетного, бренного мира. Имя талантливой художницы Юлии Николаевны Рейтлингер было широко известно еще до того, как она приняла монашеский постриг. Однако при всей разносторонности таланта будущая монахиня всегда считала главным для себя писание икон.

Огромное влияние на формирование ее личности оказал религиозный философ и богослов протоиерей Сергей Булгаков, с которым она познакомилась в Крыму в горьком для всех 1918 году. Она стала его духовным чадом, помощницей и близким другом и практически не расставалась с ним вплоть до его кончины в 1944 году в Праге. Последним благословением о. Сергия инокине Иоанне было: возвращаться в Россию.

О смерти отца Сергея Булгакова из записной книжки сестры Иоанны 1939, 1943-1945 гг.

Суббота 1/18 июля

Сегодня 25-й день, что о. Сергей лежит и уже почти ушёл от нас...

Хочется ещё и ещё вспомнить, восстановить в памяти, закрепить всё то, чему мы¹ были духовными свидетелями в первую неделю его болезни...

Но как трудно мне писать ещё! Сиж у его постели – он здесь рядом, и его нет, так дух его уже далеко. И всё-таки, когда иногда возьмёшь его руку, – он неожиданно сильным движением своей ослабшей руки сжимает мою руку.

Временами я молюсь и нахожу полное равновесие, и всё мне кажется естественным, и я вся только в том, чтобы или помочь ему моей молитвой проходить те пути, которыми он идёт сейчас, или каяться вместе с тем во всём, в чём мой грех жизни нашей общей мог утяжелить этот путь, или ещё просто молиться и этой молитвой становиться туда, куда стремится его дух, этой молитвой помогать себе бежать туда, где он, где Бог, находить его в Боге.

Временами душевность берёт свое, особенно под впечатлением каких-нибудь «воспоминаний», – и я внутренне кричу: «О. Сергей! Как же я буду жить без Вас?!» И плачу, плачу.

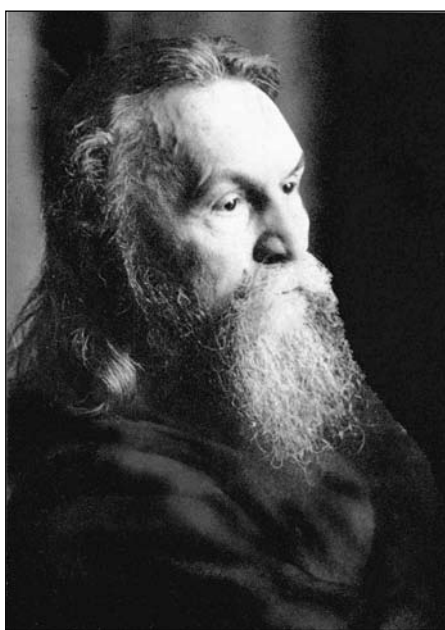
Но это меня скорей отдаляет от него, чем приближает, так же, как слишком сильное переживание какого-нибудь прошлого... <...>

Итак, что же открылось мне в эту удивительную первую неделю его болезни? Но об этом после. Перепишу сюда то, что написала о самом главном, чему свидетелями мы были четверо.

Ночь с 1 по 2 июля

Сегодня 26-я ночь около о. С[ергия], сегодня 26-я ночь его болезни, его таин-

¹ Во время болезни о. Сергия около него, помимо с. Иоанны, находились м. Бландина, м. Феодосия и Е. Н. Осоргина. Дата 18 июля ошибочна, связана с переутомлением с. Иоанны.

ственного предстояния перед смертью, перед престолом Божиим. ...И сквозь тупость, леность духовную, сон души – вновь и вновь открываются духовные планы, открываются духовному взору духовные горизонты, постигаются великие тайны бытия, Жизни и на нас, маленьких человечках, и на наших маленьких и греховных человеческих отношениях отражаются неизреченные, чудесные и таинственные законы нездешнего мира, века будущего. <...>

4-го июля

Опять и опять учусь я молиться около о. Сергия, уходящего «туда», а м[ожет] б[ыть] уже ушедшего, – так как он уже как будто и не с нами здесь.

И иногда я вдруг не понимаю, как молиться, и преодолеваю какие-то невероятные трудности и всё не могу начать «молитву».

Но вдруг – лёгкость, и всё настаивает сердце, и, как дуновение ветерка, – благодать, открывающая дверь «туда», и тогда больше ничего не страшно, но всё чудесно.

Господи! Не отними у меня вкус добра, вкус Духа Твоего...

Среда 19 июля

Первый раз я пишу здесь после смерти о. С[ергия] – впрочем, для меня нет такой резкой и определённой границы, отделяющей его жизнь и смерть. Но писать сюда мне трудно, так как всё, что хочется сказать, – говорю в письмах Кате, для которой это может быть источником питания духовного.

М. Бландина говорила перед отъездом, что мы должны жить по-новому после всего, что получили от благодати Духа Святого, и мне хочется только сегодня определить, что главное в этом новом. Это поможет, когда уровень начнёт снижаться, это может быть руководящим в дальнейшем.

Мне кажется, мы получили откровения о Святом Духе. Нам было дано в какой-то степени познать природу Св. Духа. И верность наша данному нам должна заключаться в том, что мы не должны изменять Духу; мы будем делать то же самое, что делали раньше, мы будем жить на той же самой земле, но всё как бы с коэффициентом Духа, всё более и более символически. Мы знали всё это и раньше, но то было какое-то отвлечённое знание по сравнению с последней реальностью и, странно, эта самая символичность при этом гораздо больше напоена плотью и кровью, гораздо ближе к земле, чем её воспринимала раньше.

Воскресенье 10/23 июля

Retraite²

Хочу уйти от людей по-хорошему, не для самоуслаждения, а чтоб протереть духовные очки, т. к., несмотря на всю реальность соборности, которая мне открыта последнее время, – всё-таки запыляются на людях и в суете житейской. И мне нужно это одиночество для какого-то ритма, пусть даже и для отдыха, – чтоб с новыми силами служить людям без раз-

² Затвор (фр.).

дражения, а во всей ясности духа, как дальнорукому или близорукому – соответствующие очки.

Почему не плачу я и не тоскую об ушедшем отце и друге жизни своей? Как я могу плакать, когда вспоминаю чудо Света – на его лице в субботу первой недели его болезни! Этот образ и мысль о нём уносят меня к тому, чем и как живёт он сейчас, и я совсем почти не могу вспомнить нашу общую жизнь до его болезни, так как я живу и хочу жить с ним теперь и дальше в том откровении Духа Святого, которым явилась для меня вся его болезнь и смерть. <...>

Воскресенье 30 июля

Как тяжело, как тяжело! Но ведь я хочу страдания, только через них приду к свету, искуплю грехи моей жизни! А как только они приходят – я извиваюсь и как будто только и ищу их избежать.

Надо приготовить душу к страданию, она инстинктивно их избегает.

Мучительно, что надо найти новую молитву и найти её без о. С[ергия], не посоветовавшись с ним! Но он знает, знает! Потому что ведь вместе же мы «были в Духе» во время его болезни!

Утешительно, Душе Истины, прииди и вселися в ны!

Эта молитва у меня рождает тон, когда мне смутно-тяжело, я вспоминаю тот свет, в котором жили мы во время болезни о. С[ергия]³. И тоже не надо себе представлять, что это был сплошной Свет, были искушения, и ещё какие, в нас горели и сгорали наши человеческие страсти – ревность, неразстворимость нашего «я» и нашей любви человеческой. Но чудо в том, как они сгорели, как растаяло и растворилось это я, как стали мы «совместимы» около о. С[ергия]. В сфере этого света Духа Святого.

Да, я дерзаю называть то, что мы переживали, – откровением о Св. Духе. И тогда, когда темно и смутно у меня на душе от муки жизни, – я думаю об этом откровении, я вот и хочу молиться о том, чтоб пришло «то», о том, чтоб жить нам во Св. Духе так, как нам было это показано.

Это и говорил преп. Серафим – о стяжании Св. Духа. Какой же путь к этому? И молитва, и страдание, и принятие этого страдания, т. е. через принятие оно становится вольным.

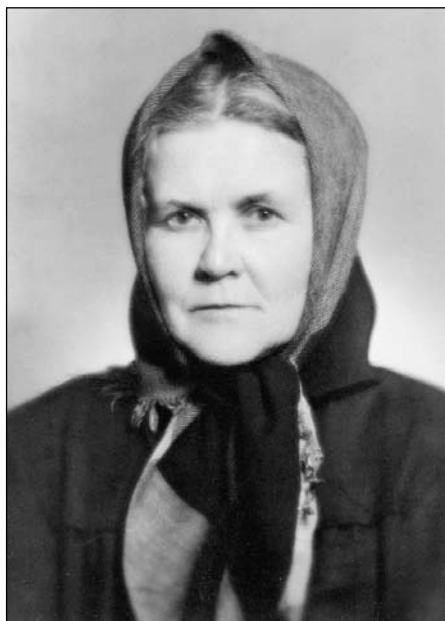
Сегодня я и думала, теперь для меня Св. Троица не какая-то отвлеченность, а самая насущная жизнь духа. Во время болезни о. С[ергия] я чувствовала Христа в его человечестве, в его братстве с нами. И когда я в тоске и смуте хочу молиться о ниспослании того Света, той

жизни в духе, то в душе рождается другая молитва – Христу, через братство Его с нами, через Его страдание и наше сострадание.

Retraite

...Я могу свою непрестанную мысль об о. С[ергии] оформить так: я могу его просить молиться Богу о том или ином, это вовсе ещё не самовольная канонизация, а прямо продолжение жизни.

Как-то не могу ещё оформить своего молитвенного призывания о. С[ергия], и ловлю себя на том, что недостаточно чувствую Христа последнее время.

День преп. Серафима Саровского

Чувствую ответственность написать ещё об откровении Св. Духа, явленном нам в болезни о. С[ергия].

Я бы начала это так:

Если бы о. С[ергий] мог написать о том опыте духовном, который открылся ему во время последней болезни на земле, то это была бы, конечно, самая замечательная из его книг. Но, м[ожет] б[ыть], потому и замкнул Господь его уста (так или иначе он всё же уже не смог поделиться с нами своими думами и чувствами), что не может человек увидеть лице Господа и остаться жив. А он уже в это время предстал престолу Божию. <...>

Преображение

Особенно реально теперь чувствую этот праздник. Источник бесконечной радости, утешения, просветления. По аналогии – пусть бесконечно слабой, тысячной доли – но всё-таки немного представляешь себе, как это было.

Да, кроме того, просто можешь вместе с Господским праздником праздновать самый Свет, ставший теперь опытно познанным. В Евангелии рассказ о Пре-

ображении предварён словами Спасителя о том, что «некоторые увидят Царствие Небесное до смерти». И эти слова связываются с рассказом о Преображении...

Когда вспоминаю виденное нами явление Света на лице о. С[ергия] и всё связанное с этим откровение духовное, – то это именно есть откровение о Царствии Небесном. <...>

Помогает мне сейчас ещё то, что я знаю, что о. С[ергий] со мной, и он понимает так, как понимаю я, и мы вместе с ним молчим и терпим ложь жизни. Я часто как будто поведываю ему эту муку или ту или иную правду, и слышу его обычное «конечно», и мне помогает его любовь, и я особенно сейчас напряжена, чтоб не нарушить, и, особенно после его смерти, учусь от его мягкости и некоторой мудрой дипломатичности в жизни, которую вижу сейчас не только как мягкость, а как орудие любви.

Надо жить так, как жил бы приговорённый к смерти, которому вдруг даровали жизнь. В монашестве это, м[ожет] б[ыть], легче осуществлять.

...И как мало этой любви ко Христу во всём, что мы делаем, как холодно сердце в молитве, как упряма воля на то, чтобы отдаться Ему. И вспоминаю последнюю исповедь о. С[ергия] и его слова «чувствуешь ли ты всё большую и большую любовь ко Христу, и что без Него ничего, и только с Ним» и думаю, что это он посылает мне сейчас это откровение.

13 ноября

Хочется записать то, что сказать никому не могу, кроме, пожалуй, Каги, которой сейчас писать не имею возможности, о тех чувствах, которыми полна душа при уходе моём за больной Ел[еной] Ив[ановной]⁴. Как я в этом общаюсь с о. С[ергием], как он радуется, как я его чувствую до такой степени близко и просто близко, что почти нет границы нас разделяющих миров. Как ангелы очевидно мне помогают, что бельё у меня стало так легко стираться, хотя и «крест есть крест», и бывает очень трудно заставить себя в 10 ½ веч., что я обычно делаю, чтоб использовать «сонный час» – полоскать его в холодной воде.

Но как всё надо делать осторожно, без единого лишнего слова, без единого «помысла» и особенно помысла самодовольства, всё время в каком-то молитвенном напряжении... <...>

И ещё – я как-то по-особенному разговариваю с о. С[ергием] Этот разговор нельзя передать. Для него слова грубы. Для него даже не нужно определённости мысли – м[ожет] б[ыть], это молчание – язык будущего века?

³ Те, кто ухаживал за о. Сергием.

⁴ Елена Ивановна – жена о. Сергия.

18 ноября

Да, любовью ко Христу только и можно руководствоваться в жизни, только здесь и сходится всё – вера, надежда и любовь... И вспоминаю слова о. С[ергия] на последней исповеди «только с Ним, без Него – ничего». <...>

Вчера провела воскресный день весь одна, гуляла в саду и читала «Невесту Агнца», и снова зазвучала для меня музыка одиночества и того, что в монастыре так важно и нужно, – одинокое с Ним общение и предстояние.

6 дек[абря] ст. ст.

Внутренняя жизнь мне сейчас представляется как борьба за своё духовное существование. Отсюда, я думаю, в богословии о. С[ергия] идея о согласии твари на своё существование. Уныние сильно силой ничтожества. Злая воля в нас разрушительна именно тем, что хочет не быть, не существовать...

Освободить душу от шор и больше думать о том, что Бог – Любовь, и просто дышать Им.

1 февр[аля]⁵

(после похорон Елены Ивановны)

Сегодня, мне кажется, начинается моя новая жизнь – и главное, что мне хочется помнить, что о. С[ергий] говорил: «Горе имеим сердца»⁶. И прошу Бога о помощи не угасать Духа, когда Он мне его посылает, и раздувать, разжигать... <...>

Всё думаю – как светит мне в жизни то преображённое лицо о. С[ергия], которое мы удостоились зреть. И хочется написать такой портрет о. С[ергия], потому что это была какая-то ещё другая его жизнь – эти 40 дней болезни, и прежние портреты не выражают этой жизни. И если удастся – и если нам так светит это лицо, – м[ожет] б[ыть], и другим этот портрет будет нужен, а если Богу будет угодно, то сделается иконой.

Зачем мне духовник и послушание, когда я общаюсь с живым о. С[ергием] и на послушании у Бога! Руку Божию чувствую непрестанно, даже в мелочах. <...>

Надо найти покаяние, но всё кажется неважным перед тем Светом, который открывается при мысли об лице о. С[ергия]. Видится рука Божия, избравшая его. У о. С[ергия] детское выражение, потому что он как дитя Божие в руках Отца. И слышится голос Божий, избравший

⁵ 1945 г.

⁶ «Ввысь устремим сердца!» (слав.) – возглас священника перед началом евхаристического канона.

Его. Это уже почти не вера, а откровение, это так самоочевидно, что только можно без конца радоваться, что всё сгорает в этом свете, в этом огне. <...>

И в эти минуты радость о Духе Св. (иначе не могу их назвать) – хочет сказать, как апостол: «Живу не к тому аз, но живёт во мне... Дух Святой»⁷. Это не значит, что я воображаю, что я «стяжала Св. Д.», но есть минуты, когда переживаешь такую отданность Ему и такое откровение о Нём, что вера уже почти знание – всё через свет от о. С[ергия].

Суббота. 1-я седмица

Не могу надивиться чуду моей жизни. ...Весна. Солнце. Свет весенний. Думаю о том, что Свет физический сим-

М. Нестеров. Философы (П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков). 1917

волизирует Свет невечерний – и всё же один другому близок.

Но думаю это не отвлечённо, а так реально.

...И я думаю об о. С[ергии], и вспоминаю жизнь нашу и те вёсны, когда говорил он мне: «Зима миновалась, цветы показались...»⁸ <...>

...И вот жду я и своего часа смертного, и того момента, когда он позовёт меня туда и скажет опять: «Зима миновалась, цветы показались...» <...>

Воскр[есенье] 4-я седмица

В[еликого] П[оста]

Думаю о святых – святость не только не стирает индивидуальность, а наоборот – она выступает в преображённом виде. Индивидуальность не есть самость, это просто «цвет камушка», каким нас Бог создал, каждого в своём роде, и каким

⁷ Гал. 2: 20.

⁸ Ср.: Песн. 2: 11–12.

задумал. Теряя «себя» во Христе, мы все не теряем свой «цвет». И не правы те, кто подменяет одно другим, ища пути спасения, и часто вместо распятия своего «я» в его «самости» ищут какой-то безличности, бесцветности. <...>

Вчера, выйдя во двор, при выходе множества людей – почти все «знаемые» – с многолюдного собрания, и почувствовав духовно богатую и имеющую отношение к о. С[ергию] атмосферу этого собрания, я не испытала никакого страдания от своей оторванности из-за глухоты, наоборот – мне казалось, что мне дано больше, не по какой-нибудь духовной высоте, – а просто по положению – наблюдать происходящее как бы с птичьего полёта (не на

ангельских крыльях, а просто на пропеллере глухоты!), и в этом моё счастье, и в этом я больше с о. С[ергием], который уже не присутствует на этих собраниях телом своим. Об о. С[ергии] мне хочется писать главным образом как о примере для нашей жизни, как о «современном святом». Не отворачивание от трудностей жизни, а их изживание, смирение по существу, а не лжесмирение и леность духа. Как мне трудно писать о нём, когда я невольно опять с ним говорю – и с ним живу! Не какое-нибудь «общение с умершими», а просто так.

Что поддерживает меня в минуту уныния? – Сознание, что «дело» не только во мне одной, – и тогда мысль о других, о другом, забота о его заботе. И больше всего, конечно, молитва о других. Ещё, как называю её, – моя «экзистенциальная» философия – она как-то смиряет перед всеми неудачами, т. к. даёт сознание значимости самого существования, самой жизни, а не только «целей», «задач» и их выполнения или не выполнения.

Ещё мудрость о. С[ергия], который всегда учил меня, что только такой и может быть жизнь – всё время мучения, сомнения, падения, разочарования, – но всё это нормально, и надо идти, идти вперёд и вперёд, иногда обойти какой-нибудь круг, чтоб вернуться к тому же положению, от которого исходила, а пройти всё же этот круг было нужно.

(Из книги «Ю.Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма». Автор-составитель Б.Б. Попова)

Подготовила Анастасия Гурьянова
(Издательство «Никея»)

Юлия Антитина

Приникнуть к роднику, омыть душу Из жизни новомучеников

О том, как жили и погибали эти необыкновенные люди – новомученики Русской Православной Церкви, – известно еще далеко не все, не собран и не осмыслен бесценный опыт. Это естественно, ибо огромно число подвижников, разнообразно и уникально их наследие, лишь недавно стало возможно заняться его изучением. Книга*, о которой идет речь, помогает увидеть и принять в жизнь каждого из нас те духовные дары, которые нам оставили эти удивительные люди. Материалы собраны по двум темам: «Богослужение в опыте новомучеников» и «Ответственность духовенства и мирян за церковь в годы советских гонений, 1920-30-е годы».

Первая часть посвящена размышлениям о том, что нового и важного появилось в богослужебном опыте новомучеников и исповедников, что нам необходимо знать и принимать в своей жизни. Описывается литургический опыт епископов Серафима (Звездинского) и Арсения (Ждановского), которые везде, куда бы ни забросила их судьба, на свободе и в ссылках, в первую очередь собирали свою паству на служение Евхаристии. Развернута панорама жизни мечёвских общин – групп прихожан московского храма свт. Николая в Клённиках (на Маросейке). Они возникли по благословению святого праведного Алексея Мечёва. А затем сын, Сергей Мечёв, принял паству отца, и общины стали называться «богослужебно-покаяльными семьями». В одном из писем отца Сергея Мечёва можно прочитать такие строки:

* Из опыта новомучеников и исповедников Российских: Материалы семинаров. – М.: МОО Культурно-просветительский центр «Преображение», 2011. – 192 с.

О. Сергей Мечёв (2-й ряд, 2-й слева) с общиной храма свт. Николая в Клённиках

«Войдем, родные, и мы в клеть душ наших, войдем в храм наш душевный, посвященный Господу еще в момент крещения и освященный Им в момент первого причащения. <...> Трудно нам, запустившим наш храм невидимый и недостойно жившим только храмом видимым, принять от Господа новый путь спасения. Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, и примем всё, как заслуженное».

Мало кому, например, известно, что епископ Павлин (Крошечкин), стремясь донести до людей дух и смысл богослужения, настаивал на общенародном пении в храме.

Чрезвычайно интересен литургический опыт священника Анатолия Жураковского и его общины: отец Анатолий особенно обращал внимание своей паствы на то, что литургия – молитва общая, что это – их общее предстояние перед Богом; в его общине было принято всегда совместно и тщательно готовиться к каждому богослужению. Если служба случалась особо сложная и торжественная, к подготовке при-

влекали даже профессоров Киевской духовной академии – они внимательно беседовали с членами общины, чтобы каждое слово было понято, каждое неясное место разъяснено. Отдельный доклад посвящен вопросу богослужения в предсоборной дискуссии и на Соборе 1917-1918 годов, а в конце подводится некоторый итог – общий обзор особенностей богослужений в условиях гонений на опыте новомучеников и исповедников российских.

Вторая часть книги собирает не менее яркие свидетельства того, как духовенство и миряне строили свою жизнь по вере в Бога и в Церковь. Опубликован рассказ об архипастырском служении, явленном иерархами Русской Православной Церкви в 1920-1930 гг.,

который так и называется: «Восхождение на епископскую кафедру есть приближение к Голгофе». Отдельная статья посвящена размышлениям В.И. Экземплярского о возрождении полноты церковной жизни через возрождение общины, основанной на его личном опыте жизни в общине о. Анатолия Жураковского. Приводятся реальные истории жизни христиан, которые жили монашеской жизнью в миру. Завершается книга исследованием опыта устройства православного братства в условиях гонений на примерах Свято-Алексеевского и Александро-Невского братств, основанных по благословению патриарха Тихона священномучениками отцом Романом Медведем в 1919 году в Москве и митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином в 1918 году в Петрограде.

В заключение можно только сказать, что все эти свидетельства веры и жизни по вере – подлинный источник вдохновения, несомненный дар Божий современной Церкви, а значит, и нам с вами.

Наталья Игнатович, магистр богословия

Истинно дворянское занятие

О ставил он дипломатическую должность и блеск светских развлечений ради радости братского общения с теми, кто никогда не был равен ему по социальному положению и культурному уровню, – с простыми крестьянскими детьми. Многие посчитали это причудой эксцентричного барина. А сам он всю свою жизнь – богатство, силы, здоровье и даже личное счастье – отдал Богу и этим детям...

Он – это Николай Николаевич Неплюев, помещик и потомственный аристократ, чье имя в конце XIX века знала вся Россия. «Что прежде всего поражало в Н.Н., это благородство, которым были так запечатлены вся его внешность и его манеры. Высокого роста, с величественной осанкой, в его взгляде, речи, движениях было что-то степенное и величавое. Его изысканная вежливость, никогда его не покидавшая, была чужда аффектации и высокомерия. ... Но что у него было прежде всего благородно, это душа и сердце»¹. Так вспоминали о Неплюеве современники.

Окончив в 1875 году юридический факультет Санкт-Петербургского университета, стал служить дипломатом в Императорском посольстве в Мюнхене. Однажды ему приснилось: дом, он и крестьянские дети, удивительно теплая атмосфера любви и общения. «Этот сон дал толчок мыслям моим и воле моей в новом направлении»². Неплюев оставляет успешную карьеру, оканчивает Петровскую сельскохозяйственную академию и возвращается в имение, на хутор Воздвиженск Глуховского уезда Черниговской губернии.

В одной из первых работ – «Историческое призвание русского помещика», – которая была опубликована, когда он еще учился в академии, Неплюев писал об ужасающем положении крестьянина, который реформами 1861 г. получил освобождение, но сам фактически не изменился. Историческое призвание русского помещика, по мнению Неплюева, заключалось в том, чтобы взять на себя труд просвещения. «Мы одни можем успешно исполнить эту задачу потому, что в нас одних соединяется сила материальная с силою интеллектуальной»³.

¹ Неплюев Н.Н. (1851-1908) – подвижник земли русской: Венок на могилу. Сергиев-Посад, 1908. С. 58.

² Неплюев Н.Н. К лучшему будущему // Собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1901–1908. Т. 3. С. 16.

³ Неплюев Н.Н. Историческое призвание русского помещика // Там же. С. 246.

Он предложил начать с малого: взять на воспитание одного-двух детей из нуждающихся семей, поместить не в барском доме, а в простой избе и воспитывать их ежедневным общением и научением, дать им сельскохозяйственные знания, приучить к труду.

После этой публикации на Неплюева обрушился град критики. Богатому и образованному человеку якобы нет стимула следовать его примеру, а кто-то даже написал, что Неплюев берется не за свое дело и что единственным историческим призванием русских помещиков может быть только дрессировка собак, но никак не воспитание людей.

Отпор не смутил Неплюева: вернувшись домой, он берет на воспитание 10 детей. Но сразу же возник и вопрос: как их воспитывать, ибо оказалось, что он не может воспользоваться ни одной из известных ему философских доктрин? И Неплюев обратился к Библии. Перечитывая ее, он пришел к сознательной вере, убедился, что на евангельских принципах можно и нужно строить жизнь.

В 1883 году Н.Н. Неплюев подает прошение в Министерство государственных имуществ об открытии мужской Воздвиженской низшей сельскохозяйственной школы. 4 августа 1885 г. школа открылась, была выделена государственная дотация на содержание преподавателей и на учебные пособия, остальные расходы оплачивал Неплюев. Вскоре открылась и школа для девочек – Преображенская. Детям преподавали основы сельскохозяйственных наук и общеобразовательные предметы, но главной целью было их воцерковление. Постепенно в школах сложилась уникальная система воспитания.

Н.Н. Неплюев старался объединить старших детей. Он собирал близких ему взрослых воспитанников для совместных молитв, бесед и чтения Священного Писания, попросил их помогать воспитывать младших. Старшие воспитанники разобрали между собой наиболее трудных младших. Так образовался **Старший братский кружок**.

Николай Николаевич Неплюев

На попечении каждого было 4-5 младших. Выбор старшего в руководители делали младшие, за исключением вновь поступивших в школу (они еще никого не знали). Старший не пользовался никакими привилегиями, напротив, он должен был своей жизнью показывать во всем пример младшим. Основная задача заключалась в том, чтобы побудить младшего к самостоятельному движению в духовной жизни. Старшему надлежало следить, как готовит уроки подопечный, приучать его к опрятности и бережливости. К нему обращались за помощью или советом.

Каждый день Н.Н. Неплюев принимал одного из старших вместе с его подопечными, беседовал со всеми вместе и с каждым в отдельности. Каждую субботу Старший братский кружок собирался у Н.Н. Неплюева. Воспитывая младших, старшие воспитывались при этом и сами.

Вскоре образовался и **Младший братский кружок**. В него входили школьники, показавшие устойчивое стремление к духовному росту.

В первые годы в школе случались серьезные конфликты между неверующими преподавателями и членами Старшего братского кружка. В 1888 году Н.Н. Неплюев обратился к министру государственных имуществ М.Н. Островскому с докладной запиской, в которой просил дать Воздвиженской школе право приглашать на должности учителей бывших воспитанников школы, успешно ее окончивших. Не сразу, но разрешение это было получено. Это стало важной ве-

хой в развитии школы. Влияние братских преподавателей благотворно сказывалось на учебном процессе: «Несмотря на то, что официальный образовательный ценз их предшественников был выше, я считаю себя вправе сказать и говорю это с убеждением – никогда до того школа наша не имела преподавателей, лучше подготовленных к выполнению своих обязанностей и так добросовестно их выполняющих»⁴. Постепенно школа становилась одной дружной семьей, быстро ассимилируя вновь поступающих.

Вот как описывает Воздвиженские школы один из посетителей братства, А. Тюменев:

«Мужская школа. Продолговатое каменное здание, потонувшее в зелени, с длинным коридором и спальнями по обеим сторонам. В коридоре нас встретили воспитанники босиком и со швабрами – мыли полы. Прислуги нет. С детства труд внушается им, как одно из содержаний жизни. Актовая зала школы – большая комната, увешанная по стенам портретами друзей Братства. Здесь портреты императора Александра III, давшего Трудовому братству права юридического лица, бывшего министра М.Н. Островского, поддерживавшего школу в ее становлении, епископа Черниговского и Нежинского Сергия, образованнейшего архипастыря, весьма сочувствовавшего делу братства. ...

Лица у мальчиков открытые, добродушные, глядят прямо, на вопросы отвечают толково и к стенкам не жмутся. Ходят в простых блузах из черкачина, кто босиком, кто в сапогах. Но нигде не заметно шума, возни, драки, хотя в некоторые комнаты мы заходили, видимо, невзначай. ...

Пройдя большой фруктовый сад размером 7-8 десятин, мы вошли в широкий и длинный коридор большого одноэтажного дома. Женской школой заведуют две сестры Н.Н. и его старушка мать. С какой любовью они относятся к своему делу, которое они не отделяют от своей жизни, я увидел после воочию. Здесь чистота и порядок, если можно так выразиться, изящнее, чем в мужской школе. Обстановка тоже. ...

Сборная зала мужской школы была полна воспитанниками, когда я вошел в нее. Они тихо разговаривали между собой, так что не требовалось вмешательство дежурного учителя.

⁴ Неплюев Н.Н. Воздвиженская школа – колыбель Трудового братства. СПб., 1895. С. 21.

Вошел Н.Н. Неплюев и сел за столом против учеников. Я поместился рядом.

– Кто должен читать сегодня дневник? – спросил Н.Н.

Из рядов вышел мальчик лет пятнадцати, стал за попир и начал чтение дневника, где излагалась одна из воскресных бесед Н.Н. Речь шла «о доверии». Николай Николаевич поправлял записанное неточно и спрашивал некоторых, как они понимают тот или иной вопрос. Внимательно наблюдая за детьми, я заметил, что все они мысленно работают и участвуют в обмене мнений. Николай Николаевич обратился ко мне.

– Может быть, вы предложите какой-нибудь вопрос для обсуждения?

Мною овладело искушение.

– У вас, – обратился я к Н.Н., – всё основано на принципе любви, и это слово беспрестанно повторяется воспитанниками. Я хотел бы знать, насколько сознательно они употребляют его.

– Вот наш гость хочет узнать, как вы понимаете слово любовь, что вы подразумеваете под ним? Не может ли кто-нибудь объяснить?

Напряженная тишина была ответом в первое время. ... И не удивительно, что воспитанники сначала ответили молчанием. Но потом начали отвечать. Я не буду приводить их ответов, замечу только, что они высказали много сознательной, пылливой работы ума. Мне же только и хотелось узнать – не повторяют ли они с чужого голоса»⁵.

В 1889 году окончил школу первый выпуск. Трое из шести выпускников остались с Н.Н. Неплюевым и положили начало Крестовоздвиженскому православному трудовому братству. Все они остались при школе и в течение года под руководством Неплюева готовились к поступлению на должности учителей. Андрей Иванович Фурсей стал управляющим школой, учителем земледелия в старших классах и управляющим Воздвиженским именем. Федор Ефимович Чвертка взялся преподавать скотоводство и ветеринарию. Илья Павлович Кобец работал в первом подготовительном классе, готовился к принятию священного сана (спустя четыре года заболел чахоткой и скончался).

С момента основания Трудового братства жизнь Н.Н. Неплюева и дело братства неотъемлемы друг от друга и

⁵ Тюменев А. Делатель добрый: Школа Трудового братства Н.Н. Неплюева. Ркп. Музей «Трудовое братство Н. Неплюева», с. Воздвиженск, Сумская область.

составляют единое целое. Ради этого служения он избрал путь безбрачия. Его мать Александра Николаевна⁶ и сестры Мария⁷ и Ольга⁸ стали его помощницами, всем сердцем разделив жизнь с братством.

Крестовоздвиженское братство основывалось на *вере, любви и труде*. Братскую жизнь Неплюев считал делом Божиим. Обратная сторона любви к Богу – братолюбие. По мысли Неплюева, священная обязанность братолюбия – это труд. Необходимо, чтобы братство было самокупаемым, а каждый человек честно работал. Братчики трудились на землях, которые братство арендовало у семьи Неплюевых. Впоследствии, в 1901 году, Н.Н. Неплюев передал все свои земли с постройками братству.

Устав Православного Крестовоздвиженского трудового братства был Высочайше утвержден в 1893 г. Указом Александра III 16 сентября 1894 г. братство было наделено правами юридического лица. 8 октября 1894 г. вышел Указ Синода об открытии Братства. 22 июля 1895 г. состоялась торжественная церемония открытия. Основные цели братства были прописаны в Уставе: христианское воспитание детей и религиозно-нравственное совершенствование взрослых через жизнь в христианской общине. Особенностью уклада жизни Крестовоздвиженского братства было равноправие мужчин и женщин, не исключая возможности быть избранными на ответственные должности в братстве.

Основой Крестовоздвиженского братства были общины (*братские семьи*), в которые братчики объединялись по профессии. Братская семья жила в одном доме, включая в себя как семейных (живших в отдельных комнатах), так и холостых (в общей). Для уборки, работ на кухне и наблюдения за маленькими детьми во время рабочего дня было установлено дежурство. Все вопросы общей жизни решал старший братской

⁶ Мать Н.Н. Неплюева – Александра Николаевна, урожденная баронесса Шлиппенбах (1827–1917).

⁷ Мария Николаевна Уманец (1853–1930), урожденная Неплюева – старшая дочь А.Н. Неплюевой. Была замужем за М.М. Уманцем, действительным статским советником, Новозыбковским уездным предводителем дворянства. Муж умер в 1888 г., и, оставшись одна, Мария Николаевна вернулась к матери в Янполь.

⁸ Ольга Николаевна Неплюева (1859–1944) – младшая дочь Александры Николаевны Неплюевой.

семьи. Всего в 1900 г. в братстве было 11 семей.

Приезжавший в братство профессор Московской духовной академии М.М. Тареев впоследствии описывал жизнь братской семьи следующим образом:

«Братская семья представляет из себя соединение нескольких, брачных и безбрачных, членов, имеющих общий труд, общий дом и стол. Пока все семьи помещаются в домах, которые прежде имели разное назначение в имении и потому не вполне приспособлены для новой цели. Но уже строятся новые братские общежития. В новом доме обитает семья св. Иоанна Богослова. По типу этого дома предполагается и в будущем строить братские общежития. Это большой каменный двухэтажный дом. Предназначен для 12 семейных членов братства. В нем – 12 частных комнат для семейных и общие комнаты – столовая, три комнаты для детей, небольшая прачечная для мойки детского белья и кухня. Семейные члены имеют свою отдельную комнату, а холостые помещаются по несколько в спальне. Частные помещения не велики – самое большое, для двух взрослых и трех детей. Кроме кроватей – гардеробный и бельевой шкафы, стол для письменных и подобных занятий; в переднем углу икона, окаймленная белой занавесью, с лампадой. Убранство комнаты очень однообразно. Однообразная одежда – черная блуза и черные брюки у братьев и темно-синие платья у сестер. Для молитвы утренней и вечерней все члены братской семьи собираются в столовую. На обед и ужин обычно подаются борщ с мясом и каша с салом, с маслом или молоком; на завтрак или суп в семьях, занимающихся физическим трудом, или чай в остальных семьях. Содержание (стол и одежда) каждого члена братства обходится в год от 105 до 125 рублей. Общие детские служат: две – спальнями для мальчиков и девочек старшего возраста, а одна для общих детских игр. ... Легко представить себе, что все население братства связано узлами тесного содружества, которое заметно обнаруживается вовне: все знают друг друга, называют друг друга ласковыми именами, члены одной братской семьи имеют общий стол и дом. Дети считаются членами братства и содержатся на общий счет братства, независимо от их числа в братской семье. Все это отражается на детях в высшей

Братская семья во имя свв. апостолов Петра и Павла на крыльце своего дома

степени благотворно. Все они ласковы, доверчивы, приветливы»⁹.

К богослужению там относились как к «празднику живой любви»¹⁰. На клиросе пел братский хор. Кроме обычных общих храмовых богослужений, существовала молитва утром и вечером в братских семьях. Стремление к осмысленному существованию в вере выражалось в ежедневной молитвенной жизни общин, в общебратских беседах и собраниях.

В 1893 г. в Воздвиженске был построен и освящен храм во имя Воздвижения Креста Господня. За все время деятельности братства в нем сменилось пять настоятелей. Имена двух хорошо известны по их дальнейшей церковной деятельности: священник Сергей Четвериков¹¹ и священник Роман Медведь¹².

⁹ Тареев М.М. Живые души: Очерки нравственных сил современной России // Богословский Вестник, 1906. Т. 2. № 6. С. 185-186.

¹⁰ Неплюев Н.Н. Братские союзы в учебных заведениях // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. С. 176.

¹¹ Протоиерей Сергей Четвериков (1867–1947). Окончил Московскую духовную академию в 1896 г. и в том же году был рукоположен. Эмигрировал в 1920 г. Приходской священник в Югославии (1920–1923), настоятель русского прихода в Братиславе (1924–1928). Духовник Русского студенческого христианского движения (РСХД) в 1928–1939. Настоятель церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на бульваре Монпарнас в Париже.

¹² Священноисповедник Роман Медведь (1874–1937). Участник группы 32-х петер-

В 1903 году настоятелем храма стал священник Александр Секундов¹³. Он оставался духовником до конца деятельности братства.

Не следует думать, что дела в братстве всегда шли ладно и складно. Случались и трудные обстоятельства внутренней и внешней жизни. Они-то в начале 1900 г. и привели Неплюева к протоиерею Иоанну Кронштадтскому. Спустя год Николай Николаевич рассказывал братству о встрече с великим русским праведником:

бургских священников. В 1907–1918 – благочинный Черноморского флота. После революции оказался в Москве. 27 февраля 1918 г. возглавил основанное 1 октября 1917 г. в Москве братство – «Союз ревнителей и проповедников православия». В 1931 г. члены братства, в т.ч. и о. Роман, претерпели аресты и ссылки. О. Роман был сослан в один из лагерей Беломоро-Балтийского управления (Карелия). После освобождения в 1936 г. он прожил только год. На Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года о. Роман Медведь был прославлен в лике новомучеников и исповедников российских.

¹³ Священник Александр Секундов (1876–1938). В 1898 г. окончил Новгородскую духовную семинарию. В 1925 г. осужден по делу Крестовоздвиженского братства к лишению свободы на один год. В 1927 г. пережил еще один арест по следственному делу о «группировке Боровичского духовенства и купечества». Дело было прекращено за недостаточностью доказательств. В 1937 г. вновь арестован и 8 января 1938 г. расстрелян.

Наши дни. А когда-то это была Воздвиженская школа...

«Меня провели в алтарь, где я и присутствовал на служении о. Иоанна. Извещенный обо мне о. Андреем Шильдским, о. Иоанн во время чтения часов подозвал меня к себе и, благословив, сказал: «Пойдем к жертвеннику, там помолимся». Пройдя к жертвеннику, о. Иоанн спросил: «О чем особенно помолиться?» Я ответил: «Прошу помолиться о том, чтобы через меня воля Божия совершалась. Мне предстоит завершить устройство братства трудового, основанного мною в моем имении. Искренно желаю, чтобы все совершалось по воле Божией. Боюсь, чтобы, заботясь о будущих судьбах братства, мне не ошибаться, принимая личные желания за волю Божию», — «Вот это хорошо и думано и чувствовано», — сказал о. Иоанн, обнимая меня, потом мы оба стали на колени и молились. [...] Не все, сказанное о. Иоанном и что память хранит в сердце моем, я считаю себя вправе предавать гласности. Между прочим, он сказал: «Пошел за Христом, нельзя, чтобы не гнали, не злословили, не ненавидели за имя Его. Радуйся тому. Это доказательство, что ты служишь делу Божию, а не делаешь дело человеческое. Терпи. Даст Бог, смягчатся сердца гонящих тебя и тебе даст Господь и терпение, и великодушие, и кротость, и смирение, и любовь». [...] Уходя, он сказал: «Да даст тебе Господь успех во всех добрых начинаниях твоих». Когда

я провожал его уже отъезжающего, на лестнице, где, по обыкновению многие стремились подойти к нему и получить от него благословение, он, обернувшись, сказал: «Рад, что с тобой познакомился, я нашел в тебе истинно русского дворянина, занимающегося истинно дворянским делом».

Вот навсегда дорогие и памятные для меня обстоятельства свидания с любимым и уважаемым всей русскою землею пастырем. Много бодрости почерпнул я из разговора с этим святым человеком, и, верю, много духовных сил дал мне Господь по его святым молитвам»¹⁴.

В январе 1907 г. Московская духовная академия пригласила Неплюева прочесть цикл лекций о жизни по вере и обязанностях духовенства и мирян в деле духовного возрождения России. Он подробно рассказал о Крестовоздвиженском трудовом братстве. Журналист А. Панкратов писал, что лекции сопровождалась овациями¹⁵. В том же 1907 г., 28 октября, Неплюев читал лекцию о Крестовоздвиженском братстве и о возрождении приходской жизни в Орловском женском епархиальном учи-

¹⁴ Неплюев Н.Н. Отчет блюстителя православного Крестовоздвиженского трудового братства от 14 сентября 1899 г. по 11 сентября 1901 г. // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. С. 208.

¹⁵ Свет памяти: Н.Н. Неплюев в воспоминаниях современников. Киев, 2008. С. 81.

лище. На этой лекции присутствовал правящий епископ Орловский Серафим (Чичагов)¹⁶. В декабре 1907 года Неплюев отправился в Петербург, но там тяжело заболел гриппом. Несмотря на болезнь, он продолжал работать и даже читал публичные лекции по приглашению Петербургской духовной академии. 21 декабря он вернулся в Воздвиженск, а через месяц его не стало.

После смерти Н.Н. Неплюева Крестовоздвиженское братство возглавила его сестра Мария Николаевна Уманец. К этому времени братство уже окрепло: «Во времени кончины Николая Николаевича можно было смело сказать, что, несмотря на наши ошибки и немощи, семья наша была уже объединена в один ум и одно сердце, и никто ничего не называл своим, но все было общее»¹⁷.

После революции 1917 г. братство пыталось выжить. Это удавалось вплоть до 1925 г., когда были репрессированы его руководство и сестры Неплюевы. В 1929 г. оставшихся братчиков изгнали из Воздвиженска, и они рассеялись по разным уголкам России.

Так трагически оборвалась история Крестовоздвиженского трудового братства. В советское время было сделано все, чтобы имя братства было забыто. В здании школы разместили колонию; дома, в которых жили общины, превратились в руины; храм разобрали и перенесли в соседний поселок, приспособив под клуб; Хомяковскую горку, насыпанную братчиками в память о почитаемом ими мыслителе, большевики разрушили ...

Но прошли страшные годы гонений на Церковь, и уникальный опыт Крестовоздвиженского братства возвращается из забвения. Сегодня труды Н.Н. Неплюева переиздаются, о братстве пишут статьи и исследования, в Воздвиженске создан музей, а в «Живом Журнале» — даже специальное сообщество¹⁸. Этот уникальный опыт — не только достояние духовной истории России, который пришелся бы впору и нам, но и вдохновляющий пример радости братского общения и любви во Христе.

¹⁶ Митрополит Серафим (Чичагов; 1856–1937). Прославлен в лике священномучеников Русской Православной Церковью в 1997 году.

¹⁷ Уманец М.Н. Краткий отчет блюстительницы Крестовоздвиженского трудового братства за 1915г. Пг., 1915. С.7.

¹⁸ http://community.livejournal.com/nepluev_bratstv/

Истинный пост: прекратим пустые разговоры; не ищем выгоды; не смотрим на сучок в глазу брата; не судим чужого раба.

По вечерам, на молитве, я говорю Ангелу моему: «Возьми мою душу и принеси ее к ногам Христовым».

Не то знание, которому научился, а то, которое выстрадал. Это и есть православная духовность.

Нерешительный человек не участвует в жизни.

Самое большое человеколюбие – хорошо говорить о людях.

Чудо – нормальный ход вещей. То, что мы называем чудом, для Бога естественно.

Призывая имя Христово, мы наносим мощный удар своему «я».

Пусть Бог будет между тобой и твоей целью, но не цель между Богом и тобой.

Бог дождит свою благодать, но мы носим шляпу или зонт...

Какой-то мудрец сказал: «Если ты живешь для самого себя, лучше не рождаться».

Люблю кого-то от всей души – означает молиться о нем.

Не родился еще человек, который расстроил бы меня.

Некоторые из Слов Лили-Аврилии

Лилия из Греции, Аврилия из Индии

БЕСХАРАКТЕРНАЯ ДЕВОЧКА

Это была состоятельная и образованная семья. Отец, Илья Папаянис, – крупный лесоторговец, мать, Виктория Христки, – дочь придворного врача, внучка известного мыслителя, священника и педагога Харисиоса Мегданиса. Папаяни жили в Константинополе, где у них был свой дом в районе Фанари, недалеко от Вселенской патриархии. Младшая дочь, Аврилия, родилась 2 октября 1897г. Ее все любили, и ребенок отвечал такой же горячей любовью. Привязанность к родным была так глубока, что, когда настала пора учиться, Аврилия убежала из пансиона. Даже став старше, Аврилия порой изображала разные недомогания, чтобы как можно больше времени проводить возле матери. Впрочем, маленькие хитрости не мешали девочке успешно заниматься языками, музыкой, риторикой. Любимым уроком была декламация. До глубокой старости Аврилия с легкостью читала наизусть тексты древних и новых авторов, греков, французов и англичан. Другой страстью была география, предвестница будущих путешествий. Так пролетали годы. Общительная и живая, Аврилия радовалась всем, пока однажды взрослые не объяснили, что это неправильно. «У тебя совсем нет характера, – сказала учительница, – ты не делаешь различия между добрыми и дурными людьми! Нужно иметь критический взгляд!» Отповедь сильно задела юное

сердце. Уединившись в библиотеке и размышляя над суровым упреком, девочка машинально открыла первую попавшуюся книгу. Это оказалась «Антигона» Софокла. «Не родился ненавидеть, но любить», – прочла она.

ПРИЗВАНИЕ

Аврилия жестоко заболела. Воспаление сопровождалось высокой температурой и совершенно измучило ее. Родные всерьез опасались за жизнь девушки – эпоха антибиотиков еще не наступила. Во время одной из мучительных ночей в комнате послышалась тяжелая поступь и раздался какой-то металлический звук. Затем

незнакомая рука отдернула полог от комаров, и перед большой предстал юноша, странно одетый. Аврилия услышала шепот: «Не бойся, завтра будешь здорова». В тот же миг таинственный посетитель исчез. Светало. Наступало 26 октября, день памяти святого Димитрия Солунского. Жар спал. Это был первый духовный опыт из выпавших на долю Аврилии: не раз и не два они круто поменяют ход ее жизни. Другой бы испугался, но Аврилия, как в детстве, отвечала любовью на любовь. В 1932 году, во время молитвы, пришла весть о том, что ей предстоит покинуть дом. Домашняя любимица ушла без колебаний, чтобы работать и странствовать во имя Господа, заручившись благословением матери. «Ступай, дитя мое. Я буду тебя ждать. Не беспокойся. Иди!» – эти слова Виктория Христки приносила каждый раз, отпуская дочь в дорогу. Незадолго до Второй мировой войны Аврилия отправилась в Великобританию. Ей было в то время 40 лет. Единственной английской купюры в кармане хватило лишь на то, чтобы расплатиться за первый ночлег в лондонской гостинице. Но она не унывала, уверенная, что завтрашний день сам о себе позаботится. Кем только не доводилось ей работать: медсестрой, гувернанткой, сиделкой в доме бывшей актрисы, пожилой, с трудом передвигающейся. Уход за капризной больной стал серьезным испытанием смирения. Именно тогда Господь ниспослал Аврилии

дар исцеления. В один прекрасный день ее подопечная вышла из дома без палки. Дар – непростая вещь: его нельзя присвоить, но и отказываться негоже. Аврилия нашла выход, став дипломированным врачом-физиотерапевтом. После войны она открыла в Афинах собственную небольшую клинику, где успешно практиковала. На вопрос, как ей удается достичь успеха даже в трудных случаях, отвечала, что владеет «старым английским методом». Казалось бы, впереди годы безоблачной карьеры, достаточной для обеспеченной старости. Но Аврилия упорно не желала придавать значения деньгам. Работая по девять часов в день без перерыва, она тратила все на других. Оплачивала жилье для бездомного, даром лечила бедных, бесплатно обучала студентов массажу. «Столько трудиться и ничего не иметь, – возмущались друзья, – да тобой просто пользуются!» «Я не могу отказывать тому, кто просит», – возражала Аврилия. Как-то ей довелось лечить десятилетнего мальчика, страдающего плоскостопием. После серии сеансов наметился прогресс. «Ну как, легче стало?» – «Нет, не очень», – ответил ребенок. Лечение продолжилось. Скоро стало совершенно очевидно, что парень пошел на поправку, но жалобы не прекратились. В конце концов, настал день, когда Аврилия сказала: «Все, больше я ничего не могу для тебя сделать». – «Доктор, да я давно здоров, у меня уже со второго раза все прошло, просто я вам не сказал. Дома у нас все крики да ссоры, а здесь, с вами, так хорошо!»

ИНДИЯ

24 марта 1954 года Господь упокоил мать Аврилии. «Оборвалась последняя нить, связывавшая меня с обычной вещественной жизнью на этой Земле. Я умерла. Предстояло сделать лишь один решительный шаг к осуществлению воли Божьей: «Следуй за мной». Но куда? Неожиданно пришло озарение: Индия!» Когда доктор Папаянни распродала имущество лечебницы и подарила свою квартиру знакомым, все решили, что она помешалась с горя. Но Аврилия чувствовала невероятную легкость, зная, что с этого момента ее жизнь навсегда упокоена во Христе и весь остальной путь она пройдет за руку с Ним. Без желаний, без страха. И без денег – главной современной гарантии благополучия. Путешествуя по всему миру, Аврилия больше не прикасалась к деньгам. Она обрела свободу. Но кто бы мог подумать, что первой ступенькой подвига окажется ... индуистский ашрам! Заслужить уважение гуру Шивананды и его «паствы» оказалось нелегко. Чужестранке устраивали испытания, предлагая участвовать в индуистских

ритуалах. Аврилии всякий раз удавалось отшутиться, никого не обижая. Куда опаснее были магические нападения. Их выдерживали не все гости ашрама: некоторые сходили с ума, а сама Аврилия чуть не ослепла. Но ни йог, ни ученики не знали, что их гостья обладает мощным духовным щитом – аскетическим опытом православных Отцов Церкви. Они даже не подозревали, что в христианстве существует подобная практика, приносящая зримые плоды. «Лилию из Греции» не трогали змеи и хищники, недуги обходили ее стороной. «Все миссионеры кипятили воду для питья и, несмотря на это, часто болели дизентерией, – вспоминала Сильвия Скапа, американка, помогавшая Аврилии. – Мы с Лилей пили воду из разных источников, и даже из реки Ганг, и ничем не болели. Правда, она всегда крестила воду и говорила: *во имя Отца, и Сына, и Святого Духа*».

После «боевого крещения» в ашраме Господь направил Аврилию в клинику для прокаженных. Она стирала одежду больных, перебинтовывала струпья и удаляла отмершие ткани. «Ищи брешь в своей тюрьме и удирай! – пишет она одному из «благополучных» друзей, – тогда для тебя весь мир станет Свободой, и ты узнаешь, что лишь одна Любовь все измеряет. Даже тот миг, когда отрезаешь пальцы рук и ног прокаженных, изгрызенные мышьями и гангреной, бывает минутой благословления и Солнце восходит в твоём сердце». Никто не платил Лиле зарплаты, но, имея одно-единственное платье да пару сандалов, она ухитрялась одевать, кормить, снабжать лекарствами, пристраивать на лечение всех нуждающихся. Нет, не она, конечно, – это делал Тот, Кто ее послал. «Я не существую», – с радостью говорила Аврилия. В Гималаях, в Уттар-каши, где не ступала нога европейца, она провела одна целый год в молитве и молчании, выходя лишь для того, чтобы оказать помощь больным. Там она удостоилась посещения Самого Христа. Дальнейший путь был определен. Аврилии предстояло монашество. На прощанье Джавахарлал Неру надел ей на шею гирлянду из цве-

Остров Лерос. Последняя земная гавань схимонахини

тов – никакого другого подарка она бы все равно не взяла.

СТАРИЦА

В 1959 году Аврилия поселяется при монастыре Марфы и Марии в Вифании. В Индии ее звали «Лилия из Греции», здесь она «Аврилия из Индии». К послушнице, прошедшей столько лет среди язычников, относятся настороженно и поначалу поручают только физическую работу. Аврилия убирает двор, ухаживает за растениями, качает воду деревянным насосом, из-за чего травмирует плечо. После этого шестидесятипятилетней монахини подбирают другое послушание. Проходит четыре года, и на острове Патмос старец Амфилохий (Макрис) постригает Аврилию в малую схиму. Теперь ее зовут Гавриилия. Наша геронтисса Гавриилия, – ласково говорят люди, стекающиеся к ней за помощью, советом, за словом любви.

«Я знаю пять языков. Первый – улыбка. Второй – слезы. Третий – прикосновение. Четвертый – молитва. Пятый – любовь», – говорила геронтисса. Схимонахине Гавриилии предстояло еще много дорог. Африка, США, Канада, Ближний Восток, снова Индия. Лишь в глубокой старости она вернулась в Афины, где, живя в полузатворе, продолжала лечить больных и утешать здоровых. Последним приютом геронтиссы стал монастырь святых Ангелов на Леросе. Там, после принятия великой схимы, сбывлась ее давняя мечта о безмолвии. 28 марта 1992 года в возрасте 95 лет старица отошла ко Господу, воздев руки к небу. В этот миг ее духовные чада ясно услышали, как молодой голос поет незнакомую радостную мелодию.

Марина Нецветаева,
подготовлено по книге «Подвиг любви»
(изд-во Свято-Покровской монашеской
общины, 2000)

Спасибо, капитан!

... – Дерсу, – сказал я ему, – я по тебе соскучился. Как только тебя нет около меня, чувствую, что чего-то не хватает.

– Спасибо, капитан, – ответил он с улыбкой, – спасибо! Моя тоже так. Тебе сопка один ходи – моя шибко боится...

«Дерсу Узала».

Недавно с Дальнего Востока мне прислали первый том нового собрания сочинений В.К. Арсеньева (Издательство «Рубеж», Владивосток). Мне кажется, благодаря этому изданию мужественные и светлые книги Арсеньева начинают новую жизнь.

Выпускник Петербургского пехотного юнкерского училища Владимир Арсеньев в 1903 году был назначен начальником Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды. Так Арсеньев волею судьбы стал одним из последних русских военных разведчиков, которые несколько столетий шли вслед за продвигающимися на восток и юг границами империи. Это были люди высочайшего профессионализма: наблюдательные натуралисты, литературно одаренные (ведь одной из их задач было подробное описание местности), дипломаты по натуре – им первым приходилось налаживать контакт с местным населением.

«Путевые записки необходимо делать безотлагательно, на месте наблюдения, – советовал Арсеньев своим последователям, – если этого не сделать тотчас, то новые картины, новые впечатления заслоняют старые образы, а виденное забывается...»

Только вот непонятно: когда Арсеньев, командуя экспедицией, успевал все записывать, да еще с такими подробностями? К тому же Арсеньев вел одновременно 5-6 (!) дневников: путевой, геологический, ботанический, зоологический, этнографический, метеорологический...

П. Гнедич (лингвист и искусствовед) в 1924 году писал Арсеньеву: «Что прельщает меня: Вы пишете по-русски. Вам, может быть, покажется странным, что я пишу это. Но мы совершенно отвыкли от русского языка. Кто теперь

пишет по-русски? О газетах я уже не говорю. Но наши «писатели», – разве они не разучились писать и думать (да, вероятно, и говорить) по-русски?..»

Лучшие страницы Арсеньева посвящены Дерсу – этому удивительному *дебрскому* отшельнику (по В.И.Далю, *дебрским* называли человека из дебрей, взявшегося «неведомо отколе»). Их встреча произошла 3 августа 1906 года.

Рисуя образ своего верного проводника, Арсеньев невольно оставляет нам и свой портрет – портрет человека столь же интеллигентного и доброго, сколь храброго и мужественного.

«...Лежа у костра, я любовался звездами. Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал, что бормочет ручей и о чем шепчется ветер с засохшей травой...».

В первые же дни экспедиции русские путешественники вдруг увидели, что тот, кого обыватели считают дикарем, на самом деле – настоящий мудрец. Дерсу читал тайгу, как книгу, чей текст ежечасно обновляется; они

же листали эту книгу, не понимая значения написанного в ней.

«Дерсу тщательно обернул берестой спички, отдельно в бересту завернул соль и рис и повесил все это в балагане.

– Вероятно, ты думаешь вернуться сюда? – спросил я.

Он отрицательно покачал головой. Тогда я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички.

– Какой-какой другой люди ходи, – отвечал Дерсу, – Балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди – пропади нету.

Помню, меня глубоко поразило это. Я задумался... Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие...»

Однажды Арсеньев спросил, почему Дерсу и животных называет людьми.

« – Его все равно люди, – подтвердил он, – только рубашка другой...»

Да что животные! Дерсу и сырое полено называл «худой люди».

Дерсу и Арсеньев на первых порах – люди абсолютно разной ментальности, не имеющие, казалось бы, ничего общего. И вот на твоих глазах они начинают дружить, и эта дружба вверх всех этнических, языковых, религиозных и других барьеров становится главным героем повествования.

Примечательно, как Арсеньев искренне любит Дерсу, не пытаясь его поучать или поправлять. Даже то, как неважно говорит Дерсу по-русски, становится в глазах Арсеньева достоинством. Дерсу – большой ребенок, и язык отражает его бесхитрость, его чистое сердце.

В предисловии к книге «По Усурийскому краю» Арсеньев писал: «Трудно перечислить все те услуги, которые этот человек оказал мне и чинам моего отряда. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично...»

«... Дерсу остановился. Настал тяжелейший момент расставания.

– Прощай, Дерсу! – сказал я ему, пожимая руку. – Желаю тебе всего хорошего. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Прощай! Быть может, когда-нибудь увидимся.

Поднявшись на гривку, он остановился, повернулся к нам лицом, помахал рукой и скрылся за гребнем. Словно что оторвалось у меня в груди. Я почувствовал, что потерял близкого мне человека...»

Доверчивый и наивный Дерсу погиб в 1908 году от рук бандитов.

После революции новая власть ничего не хотела знать о заслугах Арсеньева. Для нее он был лишь один из «бывших». Раз в месяц бывший полковник царской армии должен был отмечаться в ОГПУ. При этом он продолжал огромную исследовательскую работу. Только в 1930 году Арсеньев возглавил четыре экспедиции по обследованию проектируемых железных дорог. 26 августа Владимир Клавдиевич неожиданно для всех слег. Скончался 4 сентября 1930 года.

Весной 1934 года арестовали его жену Маргариту Николаевну, обвинив в принадлежности к шпионской сети, якобы созданной в 1923 году Арсеньевым. Полтора года под следствием, несколько лет спустя – новый арест и 21 августа 1938 года – расстрел. Был расстрелян и брат Арсеньева. Дочь Наталья Владимировна прошла лагеря.

Возможно, где-то в архивах ФСБ лежит неопубликованная книга Арсеньева, которую он считал главным трудом всей своей жизни. Называлось это этнографическое исследование «Страна Удэге». Бесследно пропала и рукопись Арсеньева «Теория и практика путешественника».

Директор издательства «Рубеж» Александр Владимирович Колесов рассказывает: «Уникальность нового собрания, не побоюсь этого слова, состоит в том, что в нем представлен Арсеньев, неизвестный современному читателю. И вот почему. Когда мы приступили к работе, выяснилось, что ни одно из существующих изданий автора нельзя брать за точку отсчета, так как они, за исключением единственного, вышедшего в свет в 1921 году («По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»), были безжалостно сокращены и отредактированы цензурой...»

Дальневосточная тайга. Осень

Честно говоря, я раньше и не предполагал, что книги о природе и путешествиях подвергались такой варварской «вырубке». И вот оказывается, что в детстве мы читали сильно изувеченные тексты.

Цензура вычеркивала воинские звания офицеров царского времени, обращения солдат к офицерам «Ваше благородие». С не меньшим рвением изгонялось всякое упоминание о Боге и святых, все присловья, без которых немислим был русский человек сто лет назад: «один Бог свидетель», «обороны, Царица Небесная», «Господь даст, пройдем помаленьку...»

Там, где автор писал «Слава Богу – путь кончен!», мы читали «Путь наш был окончен!». Даже тихое, трепетное слово *благоговение* раздражало цензоров, и они меняли его на аморфное *уважение*.

В описаниях быта староверов вычеркивались «божницы со старинными образами», названия книг, цитаты из Священного Писания. Залив св. Ольги стал заливом просто Ольги. Рождественские праздники переименованы в зимние.

Выброшено было и авторское предисловие к изданию «По Уссурийско-

му краю» 1921 года. Причина понятна: предисловие начинается со слов благодарности Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру: «Этот государственный деятель был моим истинным покровителем. Три мои экспедиции в Сихотэ-Алинь снаряжаются на средства, отпущенные им...». Так писать о царском генерале в разгар красного террора означало самому riskовать головой. Но в том и была глубочайшая порядочность Арсеньева, что он в своих поступках не оглядывался на время и не думал о себе.

Эти слова благодарности П.Ф. Унтербергеру, которые автор предпослал своей книге, стали последним поклонном старому генералу. В те дни, когда готовился к печати текст «По Уссурийскому краю», Павел Фридрихович скончался в эмиграции.

Благодарит Арсеньев в предисловии и своих друзей – морских офицеров С.З. Балка, А.Н. Пелля и П.Г. Тигенстедта. «В 1906 году они устроили для меня на берегу моря питательные базы и на каждый пункт, кроме моих ящиков, добавили от себя еще по ящику с красным вином, консервами, галетами...»

Сделать другу сюрприз и припрятать для него ящик красного вина –

эта идея, без сомнения, принадлежала капитану второго ранга Сергею Захаровичу Балку (1866–1913), знавшему толк как в офицерской дружбе, так и в спиртных напитках. Огромного, чернородого, благодушного силача любили и матросы, и командиры. Байки о его приключениях навсегда остались во флотском фольклоре. В аттестации 1908 года о Балке в графе «требуется ли поощрения» записано: «Требуется дружеского присмотра, поощрению не поддается».

Кое-что мне удалось узнать и о другом товарище Арсеньева – Александре Николаевиче Пелле. Он тоже был капитаном второго ранга и героем русско-японской войны, много лет служил в Сибирской флотилии. За несколько лет до революции совершил нелегкую экспедицию на Чукотку, чтобы установить крест в память о Семене Дежневе – первом русском мореплавателе, нашедшем путь из Северного Ледовитого океана в Берингово море. Огромный 15-метровый крест из лиственничных двойных брусьев был врыт в землю. Нижнюю его часть матросы обложили крупными камнями. Надпись гласила: «Памяти Дежнева. Крест сей воз-

двигнут в присутствии Приамурского Генерал-губернатора генерала Унтерберга, командой военного транспорта «Шилка», под руководством командира, капитана 2 ранга Пелля и офицера судна 1 сентября 1910 года...»

Казалось, что такой могучий крест будет не один век напоминать о подвиге русских мореплавателей. Но в 1930-х годах он был уничтожен, как «символ самодержавия».

Александр Пелль не узнал об этом. В 1932 году он был арестован органами ОГПУ и отправлен в лагерь на Колыму. По всей видимости, там капитан и погиб. Точной даты никто не знает.

На одном из дальневосточных сайтов я встретил большое письмо современному молодому человеку, адресованное Арсеньеву. Оно так замечательно по чувству и мысли, что может быть предисловием. Предисловием к какому-то новому пониманию Арсеньева.

«...Ваше благородие, Владимир Клавдиевич, ведь Вы просились в эту далекую страну с первых дней своей службы. Неужели здесь лучше, чем в Петербурге? Сейчас огромное количество людей бегут из этого края на За-

ЧТО ЧИТАТЬ

По Уссурийскому краю
Дерсу Узала
В горах Сихотэ-Алиня
Сквозь тайгу
Китайцы в Уссурийском крае
В кратере вулкана
Дорогой хищник
Искатели жень-шеня
Быт и характер народностей
Уссурийского края

пад, к «лучшей жизни». Но еще остались люди, которых Вы навсегда привязали своими книгами к Приморью, Вы заставили их остаться здесь навсегда. Они всю жизнь будут стараться сделать этот край еще лучше. Люди, которые способны мыслить так же, как и Вы... Огромное Вам спасибо, Владимир Клавдиевич, за светлое в душе, за людей которые не уехали...»

«Здравствуй, капитан!» – так обычно приветствовал своего друга Дерсу Узала. Скажем и мы вслед за Дерсу: «Здравствуй, капитан!»

Юрий Соломин: Услышать, пока не поздно

Не каждому артисту выпадает счастье вписать в свою творческую биографию такую фигуру, как Владимир Клавдиевич Арсеньев. Прежде всего, я имею в виду личность этого человека. Личность, которой так недостает нашему сегодняшнему мятущемуся миру. В этом году исполняется тридцать пять фильму «Дерсу Узала», где я снялся в роли Арсеньева. Сыграно за эти годы – не счесть. Но, пожалуй, ни один из персонажей не оставил во мне – в моей душе, в сердце, в памяти – столь заметный след. Я до сих пор живу с ощущением, что Арсеньев – это словно мое alter ego, второе я.

Если быть точным, Владимир Клавдиевич вошел в мою жизнь раньше – в мою подростковую и юношескую пору, которая пришлось на Забайкалье. Еще школьником, в Чите, я зачитывался его книгами и мысленно представлял себя то в дебрях уссурийской тайги, то в кратере вулкана, то один на один с тигром... И я хорошо помню, что уже тог-

В роли Арсеньева

да я отметил прекрасные качества души этого человека – его личное бескорыстие, любовь к людям, к родной земле, бережное отношение к окружающему миру. Не будет преувеличением, если я

скажу, что этот человек помог сформироваться и моей нравственности. Так что, когда великий Акира Куросава предложил мне роль Арсеньева, я увидел в этом промыслительный знак.

Память человеческая, конечно, не всеохватна, в ее анналах информация постоянно обновляется. И все же, как бы ни был велик объем новых знаний и событий, на ее «жестком диске» всегда должны сохраняться имена тех, без кого не было бы нас, сегодняшних. Как ни горько, но приходится признавать, что современному уху мало что скажет имя, допустим, Павлова или Пирогова. Не знаю, долго ли еще будут помнить Чайковского. Арсеньева я буду носить в своем сердце всегда, но мой случай в какой-то мере особый, а как быть остальным? Как сделать, чтобы его голос все же прорвался к нам сквозь визги и грохот всепотребляющего бездумья? «Давайте остановимся!» – словно взывает он к нам. И хочется добавить: «Пока не поздно...»

Борис Сумашедов*

«У меня что-то надломилось в душе»

Лишь недавно это письмо, строка из которого вынесена в заголовок, удалось увидеть в оригинале. Насколько мне известно, это – последнее письмо Владимира Клавдиевича. Оно датировано 27 июня 1930 года, за два месяца до его скоростной смерти. Адресовано профессору МГУ Ф.Ф. Аристову, который в 1932 году собирался выпустить книгу о дальневосточном географе и писателе. Однако не случилось: Аристов был арестован, затем освобожден и вскоре умер, ненадолго пережив автора письма.

К сожалению, обширное эпистолярное наследие Арсеньева хранится в разных местах и всё ещё ждет полного, прокомментированного издания. Наибольшую ценность представляют документы, что долгое время хранились у наследников Ф.Ф. Аристова. Лишь недавно они попали в Российский государственный архив литературы и искусства, благодаря чему я смог подержать в руках это самое письмо и снять копию. С моей точки зрения, оно примечательно и важно тем, что Арсеньев, редко открывавший душу, исповедуется в нем своему доброму знакомому.

У меня жена, дочь 10 лет, у жены престарелые отец и мать, бедная сестра, брат учится в университете, есть несколько друзей (осталось их очень мало), с которыми я связан мыслями и душой. Если бы не эти близкие мне люди, если бы я был один – я давно ушёл бы далеко, далеко в горы, подальше от города, от толпы, от фальши, лжи, зависти и злобы, которые ныне пропитали всю нашу жизнь, как вода губку в море. Со мной пошли бы три-четыре семьи туземцев. Мы ушли бы в такие дебри, в такую глушь, куда никто кроме нас про-

никнуть не сумеет и никто никогда нас бы там не нашёл...

Он писал, как тогда говорили, на четвертушках листа формата почтовой открытки, четко выводя пером слова – по 20 строчек на каждом листочке с обеих сторон. Четыре странички, а сколько выплеснуто мучавших его признаний!

...У меня что-то надломилось в душе. Я всё больше и больше чувствую своё одиночество. И снова – навязчивая мысль, непреодолимое желание уйти подальше, уйти совсем – к Дерсу! Но тут же пытается себе же и адресату напомнить о дальнейших планах. Перечисляет названия трех научных трудов, которые обязательно надо в ближайшие годы закончить. И еще: ...Девочку свою поднять на ноги (хотя бы до 17 лет)... Тут же добавляя: В настоящее время моим раем и моим утешением являются жена и дочь.

Но сразу же за этим признанием возвращение к тому, что так его мучило в последние годы:

Я стал уставать от людей и многого не понимаю, чего они хотят и почему так озлоблены на других! Это какое-то всеобщее помешательство!

Владимир Клавдиевич пишет Аристову, который, видимо, спрашивал его о предстоящем 60-летию, что настроение у него совсем не юбилейное:

Все эти юбилеи, чествования, речи и цветы, право, имеют ту же цену, что и насилия и оскорбления. Одни и те же люди способны сегодня на то и другое. Всё зависит от их настроения и от чисто внешних причин, побуждающих их к тем или иным поступкам.

Какой краткий, но точный диагноз дал дальневосточный самородок скла-

дывавшемуся тогда в «стране победившего пролетариата» нравственному климату! В конце этого честного признания человеку, к которому Владимир Клавдиевич, хотя и не был с ним коротко знаком, чувствовал доверие и на понимание которого так надеялся, он вновь повторяет свое желание уйти к друзьям-туземцам.

Последняя фраза письма, по-моему, не нуждается в комментарии: *Извините за откровенность – перо как-то само разошлось.*

Устыдился неожиданной слабости?.. Или, напротив, вызвал себя же на откровенность?.. Прощался?.. Бог весть.

Вскоре Арсеньев ушел. Ушел навсегда. Не смог жить в обществе, отвергшем правила и заповеди, заложенные в него с детства, отринувшем все, чему учили его отец, книги, товарищи по армии и научному сообществу, что открыл ему мудрый сын тайги Дерсу.

...Заканчивая дневник последней экспедиции, это было уже при советской власти, Арсеньев сделал такую запись:

...После перехода в 1240 вёрст мы наконец дошли до русского селения. Наконец-то я в доме сижу за столом при свече... Слава Богу, путь кончен. Все трудности и тяготы походной жизни, все невзгоды и лишения, болота и сопки – остались зади. Слава Богу, путь кончен!

Обратите внимание: он дважды прославил Бога. И последний знак препинания – восклицательный. Так пишут, когда верят, что конец земного пути – это начало небесного.

* Автор книги-исследования о В.К. Арсеньеве «Распятый в дебрях».

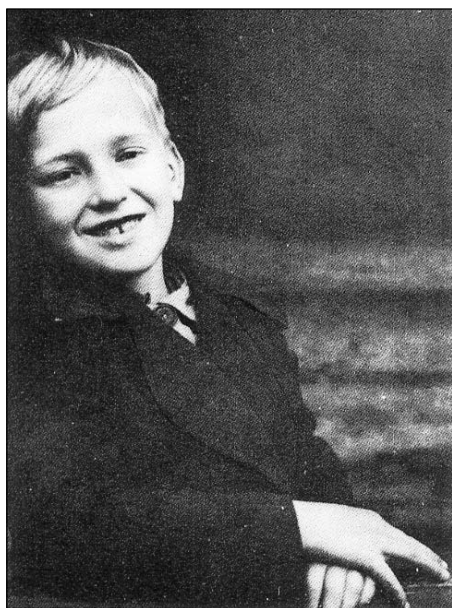
Река Уссури

Дальневосточный кот

Светящийся мальчик с Арбата

Коля рисовал арбатские дворы, крыши, утренние троллейбусы, вечерние комнаты. Рисовал соседей, выбежавших посмотреть на салют, портреты сестры Кати и бабушки. А когда болел или погода была плохая – рисовал вид из своего окна. Сохранилось около сорока его карандашных эскизов и акварелей с одним названием: «Вид из моего окна».

На другой день после гибели тело мальчика привезли в Москву, в Плотников переулок, где Коля прожил всю свою короткую жизнь. Привезли и его рисунки – несколько папок с акварелями. За два летних месяца Коля успел сделать около ста пятидесяти работ. В день прощания кто-то из близких взял несколько акварелей и приколот булавками к ковру, висевшему на стене.

Чуть более года спустя, в октябре 1949 года, первая персональная выставка Николая Дмитриева открылась в московском ЦДРИ (Центральном доме работников искусств)

11 октября по выставке ходит Павел Корин: «Я лично поражен увиденным...»

17 октября свой отклик оставил Иракий Андроников: «На акварели Коли Дмитриева нельзя наглядеться! Это вещи, обещавшие гениального художника, и, как первые шаги гения, они поражают ранней зрелостью...»

25 октября на выставку пришел Борис Пастернак. В тот же день он написал своей знакомой: «Я был на выставке и ошеломлен увиденным. Головокружительность дарования этого удивительно-го мальчика несоизмерима с печальным

Вместе с младшей сестренкой Катей он проводил лето в деревне Репинка Тверской области. 12 августа 1948 года Коля отправился с приятелем в лес. Шли, увлеченно разговаривая. Вдруг приятель оступился, неловко оперся на заряженное ружье. Грохнул выстрел. Коля погиб сразу. Ему было пятнадцать с половиной лет.

фактом его смерти. Мне кажется, будь он, по счастью, еще жив и даже гораздо старше годами, все равно я точно так же плакал бы перед этими работами...»

Обратилась к властям А. Остроумова-Лебедева: «Совершенно необходимо все его вещи, все его творчество сосредоточить в каком-нибудь государственном художественном музее..., сохранить для нашей молодежи и будущих поколений обаятельный образ гениального мальчика...»

Дочь великого Серова, скульптор Наталья Серова 14 декабря записала: «Сердце сжимается от чувства горя за наше сегодняшнее искусство, что в лице Коли мы потеряли такого мастера. Произведений такого мастерства – не много не только в нашем, но и в мировом искусстве...»

3 ноября Вера Мухина закончила свой отзыв словами: «Ты будешь жить, мальчик!...»

Среди тех, кто осенью 1949-го пришел в ЦДРИ, был и писатель Лев Кассиль. Три года спустя он написал «Ранний восход» – повесть о юном художнике. Об удивительно мальчике с трагической судьбой узнала вся страна. Повесть перевели в Польше, Англии, Германии, Китае... Кассильский Коля на долгие годы заслонил от читателей реального Колю Дмитриева. И это совсем не так плохо, как нам сейчас может показаться. Семья Коли была надежно укрыта вымыслом писателя от чужих глаз, от постороннего любопытства.

Всю свою жизнь свято хранит творческое наследие Коли его младшая сестра Катя, Екатерина Федоровна Гиппиус, физик по образованию.

Мы говорим с Екатериной Федоровной в комнате, где со стен на нас смотрят работы Коли. Просвет неба в дверном проеме, мокрый арбатский асфальт с отражениями случайных прохожих, зимние крыши, цветы в жестяной банке, салют над весенним сквериком, крытые грузовики с солдатами, уходящие в дождливую морось...

– Когда во время войны начинались бомбежки, Коля всегда кричал: «Где Катя-ка?», если меня не было дома, бросался во двор искать меня. Безумно волновался. Но при этом и подтрунивал надо мной, всерьез

не принимал. Хотя между нами разница была всего три с половиной года, на самом деле она была огромная. Колюша был несравненно старше своего возраста. Дар его открылся рано, и мама просто жила Колей. Я была ближе с папой. Родители были художниками по тканям. Мы с Колей выросли на запахе красок, денатураата, клея. Часто перед спортивными или воздушными парадами у мамы появлялась авральная работа. В комнате ставили козлы, на них клали рамы, натягивали шелк. День и ночь мама с подругами работала, а я играла под этими рамами. И так весело они работали, такой хохот стоял всю неделю!..

Мама была человеком, безумно увлеченным живописью. И папа тоже. Весь дом дышал искусством. А я в это время прыгала через веревочку. Правда, я лихо решала задачки и помогала Коле их решать. Он мог их решить, но ему было просто лень отвлекаться на такие мелочи. Когда Колюше надо было подготовиться к экзаменам, он просил запереть от него краски и кисти – так он был поглощен рисованием. Ко дню рождения ему всегда старались подарить альбом по искусству – тот, о котором он мечтал.

– По тем временам ваша семья была состоятельной?

– Что вы! Мы не были избалованными детьми. Папа, Федор Николаевич Дмитриев, был очень больной человек, он почти не работал. Часто работала одна мама. Поэтому всегда не было денег, всегда жили впроголодь. У нас были остатки фамильного столового серебра, и мы бесконечно таскали его в ломбард. То заложим, то выкупим. Мама и папа родились и выросли в достатке, но не помню, чтобы они или бабушка жалели об утраченном. Папа вообще был неисправимым идеалистом. Он говорил: как это правильно, что все равны... Еще он говорил нам: достаточно одним пальцем поддержать человека под локоть – и он уже устоял и может бежать дальше; главное, чтобы это было сделано вовремя.

– Высокая одаренность вашего брата была, можно сказать, традицией семьи, в которой сплелись корни Руквишиных, Дмитриевых, Набоковых, Серовых...

– Наверное, у каждого был свой талант. У Рукавишниковых был дар невероятной щедрости, они активно тратились не на роскошь, а на школы, приюты, на добрые дела. Свой дом они отдали под частную больницу. В Феодосии построили маяк. Попечительствовали над Третьяковской галереей...

– Но вы росли в годы, когда о купеческих и дворянских корнях детям старались не рассказывать, и Коля, очевидно, почти ничего не знал о своих замечательных предках?

– Сейчас я просто поражаюсь смелости своих родителей, но мы знали *всё*. Папа рассказывал о своих предках, мама – о своих. Я знаю, что во многих семьях такое скрывали, но у нас было полное доверие к нам, маленьким. Правда, всегда предупреждали: об этом не стоит рассказывать посторонним. Мы, как сказки, слушали по вечерам истории о дедах, прадедах. Они все для меня абсолютно живые. Вот папин дед, Федор Михайлович Дмитриев, он был директором Раменской мануфактуры. Не так давно оказалось, что в Раменском его помнят, и в девяносто втором году там устроили выставку Колиных работ при местном краеведческом музее...

– Летом сорок восьмого вы были вместе с Колей?

– Да, родители нас вместе отвезли в Репинку.

– А почему именно в эту глухую деревню, ведь она и от железной дороги далеко, и голодно там, наверное, было...

– Это родная деревня Нюши, нашей бывшей няни. Нюша появилась в доме, когда родился Коля. Во время войны она пошла работать на завод, но жила у нас. Родители ей доверяли.

– А того парня с ружьем потом судили?

– Да, ему было уже восемнадцать лет, и был суд. Дали какой-то условный срок.

– Родители были возмущены этим?

– Нет, они, наоборот, писали в суд, чтобы его не наказывали тяжело. Он же не был злодеем. Мама, конечно, не могла о нем слышать, а папа... папа был необыкновенный человек. Он считал, что если одна жизнь загублена, надо спасать другую. Папа ставил себя на место того парнишки и понимал, как ему тяжело. И всю жизнь теперь будет тяжело. Он с ним переписывался, он его поддерживал, у меня все эти письма хранятся... Папа был верующим человеком. Помню, какое-то время мы ходили в церковь на Пречистенке. Мама была совсем не религиозна, и ей, наверное, было труднее. Первое время ей никто был не нужен. Ей был страшен приход Колиных одноклассников. Она была сломлена...

– А записать воспоминания о Коле – это чья была идея?

– Папа всех к этому подталкивал и сам первый о Коле написал.

– Наверное, с годами у вас появилось ощущение, что вы не младшая, а старшая сестра...

– Конечно. Теперь у меня даже материнское отношение к Коле.

– А когда вы почувствовали ответственность за все, что оставил Коля? На выставке Колиных работ меня поразило, что сохранились не только самые невзрачные листочки с его ранними набросками, но и его карандаши, ластик, так и не распечатанные краски...

– Я это всегда чувствовала наравне с родителями. Коля – это всегда было самым главным, абсолютно! Сейчас к этому так же относятся мои дети. Они росли

среди Колиных работ, и это оказывало на них колоссальное влияние. Они очень помогли мне и в подготовке книги о Коле. Старший у меня физик, младший – филолог, занимается древнерусскими летописями. Я всегда с ними все обсуждаю, также – с внуками. Как может быть иначе?

– Последние дни в Репинке с Колей вы хорошо помните?

– У меня очень плохая память – может, голодное детство сказалось. Встречаемся с классом, с девочками, они вспоминают, а я не помню того, что все помнят. Но некоторые моменты в Репинке стоят перед глазами безумно ярко... Коля не любил, чтобы кто-то смотрел, когда он рисует. Но, закончив работу, он привык обсуждать, просил, чтобы его рисунки критиковали, анализировали. В деревне он был лишен этого. Я играла, ходила с Нюшей по грибы, а стопочка его рисунков росла, росла... И вот однажды он скинул матрац, поставил кровать сеткой к стене и расставил на сетке свои работы. «Катка! – позвал меня, – ну хоть ты посмотри...» И я ходила со страшно важным видом, меня переполняла гордость, что ко мне обратился Коля.

У Екатерины Федоровны хранятся книги отзывов со всех Колиных выставок. После экспозиции Колиных работ в Библиотеке иностранной литературы появилась удивительная запись на французском языке. Вот ее перевод.

«Дорогой Коля! Позволь мне обратиться к тебе на языке, который, может быть, ты не знал, но не важно, мне не надо много говорить, чтобы сказать тебе о моей ослепленности впечатлением от твоих картин. Истинные шедевры... они говорят о тебе, о твоей сущности. Личность, наделенная тайной, застенчивой, но мудрой... Знай, что ты живешь в своих рисунках...». Подпись неразборчива.

ИЗ ДНЕВНИКА ХУДОЖНИКА КОЛИ ДМИТРИЕВА

Когда Коля вел этот дневник, ему было 14 лет. Он жил на Арбате, в Плотниковом переулке, дом 10.

25 января 1948 г. Ездили с Игорем на Ваганьково делать наброски. Замерзли страшно, но все-таки нашли одного старика нищего – стали набрасывать, а он заметил нас, снял шапку, перекрестился – и тяги с кладбища... Потом выяснилось, что он от миллионера скрылся. Их, бедных, преследуют, даже на кладбище. Жалко мне их...

14 февраля. Вадька достал нам с Игорем билеты к Образцову на «Король-олень». Я в восторге. Куклы потрясающие. До того здорово играют, что кажется – настоящие артисты, хлопают глазами, шевелят пальцами и даже иногда дышат.

15 февраля, воскресенье. Утром побежал в Третьяковку еще раз посмотреть Врубеля, Серова и Сурикова. И все-таки неправ Витька, серовский портрет куда сильнее репинского.

17 февраля, вторник. Из школы прямо махнул на Гоголевский бульвар и там перед самым носом милиционера сделал набросок с памятника, для композиции. Читаю Врубеля.

*Я перейду в другую школу,
Где только счастье задают,
Где в листьях, от росы тяжелых,
Дрозды над партами поют...*

*О, двориков московских синяя,
Таинственная глубина!
В изломах крыш, в их смутных
линиях
Доверчивость и тишина.*

*О, где ж этот мальчик, которому
Хотелось бы тихо помочь,
Что к кинотеатру «Повторному»
Подходит в метельную ночь...*

Владимир Соколов

Новодевичий монастырь

Окна

Театральная площадь

В избе

Слово памяти

Ирина Александровна Антонова, директор Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина:

– Как художник Коля Дмитриев – явление совершенно уникальное. Талант в пластических искусствах обычно проявляется со временем. Коля же созрел стремительно, и по его работам, написанным в 14-15 лет, ясно, что перед нами сильная художественная личность. Он симпатичен нам и своим мироощущением: в его работах много света, много солнца. При этом в них ощущается весь драматизм и трагизм эпохи.

Сигурд Оттович Шмидт, академик РАО, почетный профессор РГГУ, председатель Археографической комиссии РАН:

– У нас в коммунальной квартире жил одноклассник Коли, и я, наверное, видел Колю... Он рос в обстановке работающей и неунывающей русской интеллигенции. Из окон его дома был виден дом, где создавались «Вехи». Там бывали о. Сергей Булгаков, Бердяев, Гершензон... Я был зрителем той самой первой выставки Колиных работ в 1949 году. В моей памяти осталось удивительное ощущение – не только от работ Коли, но и от атмосферы зала. Люди ходили по выставке буквально со слезами на глазах. Ведь только закончилась война, и всем хотелось вздохнуть, ведь наконец-то пришло избавление. Но тут снова начались трагедии, снова аресты... И эти переживания, конечно, повлияли на обостренное восприятие и Колиных рисунков, и его судьбы. Люди видели, сколько надежд было в этом мальчике, и плакали. Оплакивали и его, и тех, кого отняла война, и тех, кто пострадал уже после войны...

Из выступлений на открытии выставки Николая Дмитриева в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Необходимо настаивать на том, чтобы в Москве была постоянная экспозиция произведений Коли Дмитриева. Некоторые его шедевры хотелось бы видеть

в постоянной экспозиции Третьяковской галереи.

Виталий Евгеньевич Вольф – художник, одноклассник и друг Коли Дмитриева.

– Я всю войну был в детдоме. Бесконечные драки, грубый быт. И даже в нашей художественной школе мы все были пропитаны духом этой послевоенной полубандитской Москвы. Мы жили в подворотнях, и улица оказывала на нас огромное влияние. Спрыгнуть с подножки трамвая на полном ходу – вот доблесть. Никто из нас не хотел выделяться. И тут вдруг – Коля, существо не от мира сего. Он казался мне небожителем, случайно попавшим на нашу грешную землю. Это был светящийся мальчик. Облик его был аристократичен – такой маленький лорд Фаунтлерой. Очень чистенький, изысканно одетый, утонченный, всегда погружен в себя. И абсолютное чувство собственного достоинства. Внутренний стержень, который нельзя сломать. Все это было странно и удивительно. Потом, когда я пришел к нему домой, я понял, что все это шло от семьи. Эти люди жили не в советском 1947 году, а продолжали жить так, как жили до 1917 года. Жили искусством, литературой, культурой... В доме Дмитриевых была огромная библиотека по искусству. Помню, мы сидели и рассматривали Делакруа. Колю совершенно не интересовали наши прыжки с трамвая или налеты на огороды. Но при этом в Коле не было никакого высокомерия.

«Просто иду по улице и чувствую: люблю»

Просторный и по-домашнему обжитой кабинет. На столе рабочий беспорядок. Среди папок и бумаг почти не остается пространства для кофейной чашки. Зато в шкафу каждой мелочи отведено свое место. Мелочей много: вазочки, фотографии, красный игрушечный паровозик. На стойке с цветами – веселые зайцы, обезьянка и, кажется, кот. Я ожидала увидеть стандартный больничный кабинет, стерильный и холодный, и теперь радуюсь, что ошиблась. Впрочем, сама Светлана Альбертовна тоже выбивается из стандарта: переход из ислама в православие трудно назвать обычным шагом. Мы усаживаемся в мягкие кресла, и хозяйка начинает рассказ...

...про детство

Семья у меня интернациональная. Мама русская, папа татарин. По папиной линии в нашем роду – десять поколений исламского духовенства. Когда в 1552 году Иван Грозный пошел на Казань, мои родственники убежали из города, освоили земли в Азнакаевском районе Татарии, стали строить мечети. Все мои прадеды по отцу – муллы и имамы. Традиция прервалась лишь на моем дедушке, хотя и его родной брат был имамом. Но я росла с русской православной бабушкой, и меня всегда невероятно тянуло в церковь. Я с удовольствием посещала службы и, когда стала постарше, очень переживала, что не могу там помолиться. Зайти-то зайдешь, свечку поставить за бабушку, а за себя нельзя, потому как некрещеная. О смысле православия я тогда не задумывалась, в молодости все мы от этого далеки. Но у каждого рано или поздно происходит такое, что полностью тебя преворачивает.

...про испытания

В 29 лет я заболела, почти умираю. И вот, когда мне пришлось заново учиться двигаться, говорить и я стала понемногу поправляться, в моей жизни появилась одна верующая женщина. «Тебе надо, наконец, определиться с верой, нужно куда-то причалить», – убеждала она. Но я уже была замужем, муж – татарин. Что ж, мы пошли в мечеть. Мулла отшептал мен, и мы прочитали никах. Но тяга к православию не исчезла. Два года назад я попала в

аварию. Несмотря на то, что серьезных травм не было, я снова заболела, видимо, стресс оказался сильнее защитных сил организма. Болезнь нарастала как снежный ком, состояние ухудшалось на глазах. Мои коллеги ничего не могли сделать, да и сама я, будучи врачом, не понимала, как выкарабкаться. Помог мне Михаил Давыдов, с которым нас жизнь свела на почве песен. Как-то я пришла на работу в его дежурство. Мне было очень плохо, требовался плазмофе-

...про родню

Конечно, для мужа мой выбор был неожиданным. Поначалу он очень остро воспринял перемену, произошедшую со мной, хотя сам вообще был нерелигиозен. Но прошло время, муж смягчился, и сейчас он, пожалуй, даже доволен, что его жена верующая. Поверьте, мне было очень непросто. Душа разрывалась. С одной стороны, тянет в православие, понимаешь, что надо молиться, а с другой, – что подумают мои пра-родичи? Думаю, нечасто все-таки людям приходится идти наперекор столь мощной традиции. Я столько лет жила под их защитой, во всех критических ситуациях чувствовала, что мне невероятно помогают, кто-то включается. И не только в моем случае: в 1936 году моего деда посадили, и он уцелел только благодаря этой невидимой поддержке предков. Ощущаю ли я эту поддержку сейчас? По крайней мере, чувствую, что они на меня не в обиде. Предки приняли мой выбор.

...про устав

Платочка я не ношу. Считаю, что главное – иметь образ Божий в душе и в поступках. Относительно постов, когда приходится сидеть на строгой диете, быстро начинаешь понимать, что мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть. Мой «пост» продолжается, но никакой проблемы в нем не вижу. Я вообще не придерживаюсь внешней канвы: мол, ты должна то, должна это. Все равно каждый

Светлана Альбертовна Валиуллина. Доктор медицинских наук, профессор, заместитель директора НИИ неотложной детской хирургии и травматологии по медицинским и экономическим вопросам. С ней встретилась наш корреспондент Марина Нецветаева.

рез. «Сходи, пообщайся с отцом Николаем», – посоветовал Михаил. Помню, мелькнула мысль: «Мне нужна медицинская помощь, а он меня – к священнику...» И все же я решилась. Приехала в церковь на Рижской. Мы долго беседовали, и после этого разговора я вышла с твердым намерением принять православие. Отец Николай очень хорошо расставил все точки над i. «Вот, – сказал он, – ты думаешь, что предашь своих предков. Но предать – значит передать. Кому же ты себя передаешь? Богу. А Бог един. Что здесь может быть предосудительного?» Вскоре он крестил меня. Таинство было такое красивое! Я до сих пор жалею, что не могла пригласить всех, кого мне хотелось бы видеть рядом в такой волнующий момент.

человек делает то, что у него на сердце лежит. Я думаю, вера проявляется в том, что ты несешь спокойствие, мир, прежде всего, тепло в свой дом, своим близким. После моего прихода к православию отношения в нашей семье стали теплее.

...про мир вокруг и внутри

Я по натуре позитивно настроенный человек. Хотя болезнь стерла прежнюю яркость ощущений, но я до сих пор, бывает, просто иду по улице, а внутри меня пульсирует: «Люблю! Люблю!» Люблю все, что меня окружает: сына, мужа, родителей, друзей, работу, коллектив, с которым работаю. Стараюсь ни с кем не конфликтовать: лучше худой мир, чем война, хотя в обиду ни себя, ни своих подчиненных никогда не дам. Конечно, руководитель не может быть хорошим для всех, где-то приходится проявить жесткость, кому-то делать больно, если это нужно для работы. Только не делай другим того, чего не хочешь получить сам.

...про работу

Есть профессиональные обязанности. Врач должен их выполнять, его этому учили. Наверное, я просто пока не ощущаю себя настолько верующей, чтобы не отделять веру от деловой жизни. Да, мне хорошо от того, что хожу в храм, молюсь, могу выговорить на исповеди все, что тревожит. Я чувствую, как Бог мне помогает, но я не могу позволить себе отдать больше времени Церкви, чаще причащаться, соблюдать посты. Кроме того, профессия врача иногда идет вразрез с его убеждениями. Может быть, Бог уготовал человеку иную судьбу, но ты обязан оказать помощь, ты давал клятву Гиппократу. Поэтому изволь выполнить свой долг наилучшим образом. Но врачу, не имеющему любви и веры, трудно сохранить сострадание к пациенту.

...про конфессиональную политику

Сын пока не выбрал ничего. Маленьким, он с огромным удовольствием ходил в церковь, старательно крестился и кланялся, глядя на взрослых, — это было так трогательно! Он очень хотел принять Крещение, но я все время внушала, что такой шаг должен быть очень взвешенным, разумным, тем более, когда имеешь сильную родовую связь с другой религиозной традицией. Я не тороплю, жду, когда сын сам придет к вере. Сейчас он встречается с православной девушкой. Мне бы очень хотелось, чтобы дети об-

венчались, чтобы мои внуки были крещены как можно раньше.

...про чудеса

В своей жизни я во всем чувствую присутствие Бога и моего ангела-хранителя. Что касается других, я слышала подобные истории, но лично сталкиваться не приходилось. Очень многое, на мой взгляд, зависит от степени веры. Когда ты считаешь, что живешь сам по себе, никакой защиты нет, — так и выходит. Когда веришь, что не брошен, что тебе готовы помочь, — получаешь помощь. Ее проще принять с верой. Бог дает ровно столько, сколько сможешь унести: и болячек, и денег.

...про игрушки

Игрушки везде со мной: и дома, и на даче, и на работе. Я их очень люблю. К тому же педиатр все время общается с малышами, тут без игрушек не обойтись. А потом, когда окружающие узнают про твоё увлечение, начинаются подарки, подарки... В этом году, например, кучу зайцев надарили. Посмотрите, какой очаровательный! Я, наверное, до сих пор ребенок внутри, хотя медикам очень рано приходится взрослеть. Не успеешь институт закончить, а тебя уже называют по имени-отчеству...

...про пациентов

В детях нет грязи, злобы, амбиций. Они открыты. Я с удовольствием вспоминаю работу врачом, заведующей отделением, когда малыши признавались мне в любви. Разве это когда-нибудь забудешь! Сейчас, на административной работе, мне очень не хватает того контакта с пациентами-детьми, который был раньше. К тому же работа с маленькими пациентами очень обостряет интуицию врача. Малыш ведь не может объяснить, что и как у него болит. Чтобы поставить правильный диагноз, от медика требуется и умение, и чутье. И, конечно, Бог очень помогает «видеть» ребенка, — если ты сам открыт Ему.

...про детей и взрослых

Любите свою семью и свое дело, дарите детям любовь, иначе ничего путного не выйдет. У нас ведь как? Пришел человек в школу — 30 детей в классе, и надо каждому штамп приделывать. Ты троечник, ты двоечник, а ты отличник. Навесят ярлык и начинают долбить, долбить. Троечник превращается в двоечника, потом в хулига-

на — кто ему поможет? Я в первом классе тоже угодила в разряд нукудышных, и представьте, то же самое произошло потом с сыном.

Знаете, чем отличается наше образование от американского? Детям там постоянно твердят, что они самые лучшие, красивые, любимые, умные. В результате в Штатах дети вырастают сильными и целеустремленными. Что в ребенка вложишь, то впоследствии и получишь. У нас внушают с пеленок, что ты недоумок, вот и получаем недоумков. Сыну тоже внушали, что он хуже всех, но он выдержал. Вырвался из школы, которую, кстати, окончил на отлично, поступил на факультет международных отношений и стал лучшим студентом в Казанском университете.

...про женщин и мужчин

Женщина обязательно должна работать! Она не будет интересна мужу, если ограничится только домом. К сожалению, мужчины смотрят на нас глазами посторонних. Если другие люди тебя ценят, то и муж будет ценить. Женщина должна реализоваться как личность. Скучно жить с женой, которая ничего не знает кроме стирки и готовки. Некоторые мужчины жалуются, что, мол, в семье о них не заботятся, а сами от домашних женщин сбегают к другим. Но и перекосов допускать нельзя. Я очень стараюсь вкладывать в свой дом максимум души и любви, чтобы моим близким в нем было комфортно.

...про нас

Я желаю всем читателям «Лампады» любви. К Богу, мужу, детям, ко всем, кто рядом. Только любовь дает силы жить. Все остальное само приложится.

СКРЕПЫ

Мы должны иметь три сердца: для Бога — сердце чистое; для ближних — сердце милостивое; для себя — сердце злобное.

*Старец
Адриан Югский*

Известно, что цветы с наступлением ночной темноты закрываются, словно прячут от мрака свою красоту. Так было и у первохристиан в пору гонений: церковь уходила в катакомбы.

Так можно сказать и о людях православной веры, когда в нашей стране началась эра безбожия. Лишь теперь, спустя много лет, выясняется, что, оказывается, очень многие сохраняли верность Христу всю свою жизнь. Документы, подтверждающие бесчисленные расправы над православными, – это ведь и прямое подтверждение верности Кресту: без второго не было бы первого. Раз много было арестов и казней православных, значит, было кого арестовывать и казнить.

То, что многие люди не исповедовали свою веру открыто, понять можно: ночь. Но справедливо ли всем им без исключения адресовать слова Христа: «...кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мк. 8: 38)? Порой мы не в силах толком разобраться в себе самих, что

же говорить о тех, кого мы просто не знаем, кто жил задолго до нас и неизвестно, в каких обстоятельствах?

Не лучше ли уж вспомнить: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1)? О многих из тех, кто не афишировал свою веру при большевиках, можно сказать иными словами из Священного Писания: «Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2: 17) и «...по плодам их узнаете их» (Мф. 7: 20).

Вот мы и подошли к главному: почему в православном журнале мы пишем о Дмитрии Михайловиче Карбышеве, советском генерале с партбилетом, человеке, о котором даже его близкие не рискнули бы, не колеблясь, сказать: да, он веровал в Бога? Впрочем, так ли уж важны слова? Ведь вера жива не ими, она живет в делах. Каким же было дело генерала Карбышева? Любить и защищать свой народ, свой дом, свою землю. Даже ценой собственной жизни. Ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13). А любить – значит, исповедовать Христа.

Татьяна Яковлева

Дело генерала Карбышева

Их судьбы – сестры милосердия Лидии Опацкой и военного инженера Дмитрия Карбышева – скрестила Первая мировая война. Не разлучит их и Гражданская. Карбышев с первых дней в Красной Армии. Она разделит с ним бесконечное кочевье – Волга, Урал, Забайкалье, Сибирь, Крым... С самого начала их общей жизни Лидия Васильевна знала: если стоят два дома – один хороший, другой разбитый, – в первом он поместит своих саперов, а во втором, уж как придется, станут устраиваться сами. И так будет всегда – в Харькове, в здании бывшей гимназии, где лучшие комнаты он отдаст подчиненным; в Москве, где откажется от солнечной квартиры, пожалев прежних ее владельцев, и согласится на жилье с окнами во двор-колодец.

Вспоминая мать, старшая дочь Карбышевых, Елена Дмитриевна, говорила: «Было две мамы – мама до войны и мама, когда началась война...»

«Мама до войны». Каждое утро ритуал: она пришивает папе к гимнастерке свежий подворотничок, кладет ему в карман чистый носовой платок. Он, уходя в академию, целует ее.

Он преподает сначала в Академии имени Фрунзе, потом – Генерального штаба. После нескольких лет странствий по фронтовым дорогам они осели в Москве. Здесь, в доме на Смоленском

Его первая война

бульваре, в той самой квартире, с окнами во двор-колодец, родились младшие Карбышевы – Таня и Алеша.

Ляля (Елена) запомнила, как их крестили, как драила мама медную купель. Чистота была ее пунктиком. Она вечно что-то чистила, мыла, убирала. Паркет приходил натирать полотер, но маме этого было мало, ей хотелось еще навести блеск суконкой. Отец останавливал ее: «Мать, мы провалимся на второй этаж!» Он всегда называл ее «мать», а

она его «Дика». Ди-Ка – Дмитрий Карбышев.

Лидия Васильевна была верующей. В столовой висели иконы; потом их перенесли в спальню – видимо, подальше от чужих глаз. Чужие глаза в те годы могли не понять терпимости преподавателя советской академии к религии.

Лялю с ранних лет мама научила молиться на ночь. Дети наблюдательны. «Папа, мы с мамой молимся, а ты почему не молишься перед сном?» Он улыбнулся: «Я молюсь, когда ты спишь».

Муж, при всей его привязанности к детям, иногда казался Лидии Васильевне слишком максималистом. Она переживала, когда старшая дочь засиживалась над учебниками за полночь. А он считал: так и надо. Только клал картон на мраморную поверхность стола, за которым занималась Ляля: чтобы не было холодно рукам.

Он сам всегда работал много и допоздна. Детям, вспоминая его, трудно представить отца просто сидящим в кресле. Всегда за письменным столом. Над картами, конспектами лекций, рукописями. Когда в плену фашисты многократно – и безуспешно! – пытались склонить его к сотрудничеству, их привлекало не только то, что он советский генерал, но и крупнейший ученый-фортификатор, чьи работы были из-

вестны во всем мире. Им хотелось за-получить его мозг, его опыт, его талант.

И мама всегда была в работе. Всегда поднималась раньше всех. О себе заботилась мало. Никакого особенного внимания к собственным туалетам. Никакой косметики, никаких украшений, серег, колец (только обручальное с именем «Дмитрий» носила до смерти).

Вкусы у них были разные. Мама с юности обожала Собинова, а папа, как помнится детям, любил оперетту, модную тогда песенку «Сулико». И всегда с удовольствием слушал по радио Рину Зеленую. И характеры были разные. Папа – живой, динамичный, мама – ровная, сдержанная. (Ляля: «До войны я не слышала, чтобы хоть раз повысила голос».) Папа – яркий, остроумный собеседник, маму во время веселых застолий не слышно – ни громкого голоса, ни громкого смеха.

«Ангел-хранитель нашего дома», – говорил о жене Дмитрий Михайлович. Может быть, этот образ подсознательно родился у него еще в далекие годы Мировой и Гражданской, когда она всегда старалась быть рядом, словно оберегая своим присутствием.

Она не научилась быть спокойной и потом, во время его командировок. Собирая в дорогу, всегда клала в чемодан маленькую – со спичечный коробок – иконку. Когда-то в юности этой иконкой благословила Дмитрия Михайловича мать, и Лидия Васильевна свято верила, что материнское благословение должно охранить его.

Первая война скрестила их судьбы. Третья – развела.

Документ из семейного архива:

«Доверяю жене моей Лидии Васильевне Карбышевой получить гонорар от Госвоениздата за заключение по переводу «Эволюция германских вооруженных сил». 7 июня 1941 года».

Простой житейский документ, на котором, когда читаешь его сегодня, видишь отсвет давней трагедии: пройдет две недели, и германская военная машина продемонстрирует венец своей «эволюции», обернувшись из объекта научного исследования в вероломного, жестокого врага.

В этот же день генерал-лейтенант инженерных войск Карбышев отправился из Москвы в командировку на западную границу. Жены не было дома. Она ненадолго уехала в Ленинград навестить Лялю, которая пошла по стопам отца,

выбрав стезю военного инженера, – училась на фортификационном факультете Высшего инженерно-технического училища ВМФ – единственная девушка на все училище.

Перед отъездом заехал в Николо-Урюпино, где жили на даче дети. Таня проводила отца до мостика у пруда. Шла, держа его за руку. У мостика попрощались, он поцеловал ее, и она побежала домой. Что он сказал на прощание? Потом, как ни старалась, не могла вспомнить: ведь это так привычно – папина командировка. Он скоро вернется и привезет что-нибудь интересное. Куда бы он ни уезжал, он всегда привозил детям подарки: мяч, куклу, выдвижной карандаш, однажды привез настоящий противогаз, в другой раз – полевой мышонка.

А потом в Ленинград пришло письмо:

«Здравствуйте вам, как говорят в Минске, Ляля и мама!

Ну, вот я и в «Менске»... Сейчас сижу в кабинете и пишу вам письмо. Вид у меня, как у Льва Толстого, когда он писал «Анну Каренину», очень серьезный... Ну, Лялюшка, сейчас 14 часов 9 июня. Ты, вероятно, страдаешь на экзамене. Я усердно о тебе думаю, причем так настойчиво, что пятерка обеспечена.

Очевидно, из Минска я скоро уеду... Мать, я забыл капюшон от накидки. Если будет оказия, я тебе напишу, и ты мне его пришли.

Здесь немного теплее, чем в Москве, сейчас солнышко, и погода походит на летнюю. Я постригся, помылся, подшил чистый воротничок, начистил сапоги – одним словом, все в порядке. Как мне хочется поскорее поехать в поле, на ветерок, на солнышко, на свежий воздух! Надоело сидеть в кабинете. Пишите, мои детки, адрес телеграфирую дополнительно...»

С первого же часа войны, когда фронты были еще далеко от Москвы, в их дом вошло предощущение смертельной опасности.

– Ну, что ты устраиваешь переполох, – пыталась успокоить Лидию Васильевну Ляля, когда та сообщила о намерении перевезти детей с дачи. – Подожди, придет папа – и вместе перевезете.

Но дни шли, а папа не приезжал...

На четвертом году войны придет письмо от учителя Лычковского, который видел Карбышева в июле 1941 года под Минском. О дальнейшей его судьбе

Таким он встретил 1941-й.

Фото РИА Новости

он ничего не знал. В конверт был вложен листок, на котором рукой Дмитрия Михайловича написан их московский адрес.

Неизвестность. Надежда. Слухи. Жив, ранен, попал в окружение... «Окружение» – одно из новых страшных слов, которые принесла в жизнь многих людей война.

23 июля Лидия Васильевна с детьми уехала в эвакуацию в Свердловск.

К тревоге за мужа прибавилась тревога за старшую дочь, оставшуюся в Ленинграде. Зимой сорок первого через Ладогу Ляля уйдет из блокадного города: ее училище переведут в Ярославль.

Там, в Ярославле, в феврале сорок второго получила она письмо от маминного брата, встретившегося в Свердловске с мамой. «Еще в Москве, – писал он, – мне сообщили и Евгений Варфоломеевич (Леошеня, давний сослуживец Д.М. Карбышева. – Т.Я.), и в папиной академии, что он в конце июня оказался в окружении. В сентябре были упорные слухи, что Дмитрий Михайлович вышел из окружения, но, к сожалению, они не подтвердились».

Летом сорок второго вернулись в Москву.

Издали казалось, что в Москве будет легче, чем на чужом месте. Но легче не стало. Все те же метания, неизвестность, слухи. Все так же одна – одна с подрастающими детьми, которым явно не хватало отца. «Не жизнь без папы, а не знаю что, – жаловалась Таня в письме старшей сестре. – И где он запропал! Мама совсем измоталась. Стала похожа на мумию».

Аттестат кончился. Семьям без вести пропавших – по несправедливым законам той поры – денег не полагалось. Чем дальше шло время, тем более злобный смысл приобретало слово «окружение». Спустя долгие месяцы оно могло означать либо гибель, либо плен.

«Мне до глубины души больно, я страшно переживаю, что у нас продолжают считать Карбышева добровольно сдавшимся в плен. Я считаю, что это очередная фашистская провокация», – писал с фронта жене генерал Крисанов. Значит, было и такое «мнение», и такие слухи. И кто-то при встрече с Лидией Васильевной отводил в сторону глаза, кто-то не спешил здороваться... Но все, кто близко знал ее мужа, ни на йоту не усомнились ни в чести, ни в преданности Родине генерала Карбышева.

Из Таниного письма Ляля узнала, что семье дали пенсию: «Маме получать ее очень больно, так как она не потеряла надежды увидеть папу».

Пенсию назначают за погибших.

В отчаянии обратилась Ляля к генералу Мордвинову, с которым отец работал в Академии Генерального штаба: значит, папа погиб? Нет, ответил он, мы не теряем надежды на возвращение Дмитрия Михайловича, но в связи с тем, что «семья осталась без копыя, всякими опросами мы все (тут много было людей: и Леошениа, и я, и Голубев, и др.) устроили свидетельства, что есть все основания полагать о гибели папы – ну и выхлопотали пенсию...»

Кто-то мог бы их упрекнуть: покривили душой. Но поступили по совести.

Пока его жена и дочь не вернулись из эвакуации, Василий Константинович Мордвинов поселился в доме на Смоленском бульваре у Карбышевых.

Сохранилось его письмо того времени, адресованное Ляле:

«...Мама, конечно, грустит, тоскует, втихомолку плачет. И иначе у честных любящих людей не бывает...»

Надежды о возвращении папы теплятся даже у меня. Это не слова утешения, Лялочка, нет, это чистая правда. Я говорил с сотнями людей, и врут все как могут, чтобы искупить свой стыд за то, что сами вышли, а своего учителя не вывели или не вынесли на руках, если он

воли. А вы знаете, что мама – мягкий и достаточно нерешительный человек и чрезвычайно скромный, а это поразительно достойное свойство сейчас не в моде. Наглые и ничем не брезгающие преуспевают и живут припеваючи. Так-то, Лялочка, такова гнусная мораль отвратительного явления – войны».

Попытки ухватиться за любую нить, которая поможет пролить свет на судьбу Карбышева, предпринимал не только Мордвинов. Упомянутый выше

начальник инженерных войск 38-й армии Н.В. Крисанов весной сорок третьего сообщал в письме жене, что взят в плен бывший надзиратель лагеря для военнопленных в Хаммельбурге: «Я его сам допрашивал, чтобы выяснить, не знает ли он генерал-лейтенанта Карбышева. Он мне ответил, что фамилии не помнит, но по внешности, которую я ему описал, он вспомнил одного пленного... Ему создали особые условия, положенные пленному генералу, он отказался от них, ел то, что давали другим пленным. За ним приезжали

Генерал Карбышев прошел фашистские концлагеря, известные миру особой жестокостью, – Освенцим, Заксенхаузен, Маутхаузен, проведя в них в общей сложности три с половиной года, почти столько, сколько длилась Великая Отечественная война. Он погиб 18 февраля 1945 года. Его с другими военнопленными гитлеровцы вморозили в лед, поливая, обнаженных, из брандспойтов водой при 12-градусной стуже. Фото РИА Новости

был ранен или убит. Но в этом вранье я научился разбираться, и для меня ясно, что никто убитым или раненым папу не видел, что противник не объявлял о нахождении живого или мертвого такого замечательного человека, известного всему военному миру, а он объявляет и позорно объявляет, чтобы нагадить.

Вот основание для моих надежд и еще то, что я не допускаю, чтобы такой человек пропал ни за грош, ни за копейку.

Если мама пишет вам сумбурные, тревожные письма, то не удивляйтесь, ведь душа ее не на месте. Все привычное ушло сразу, надо перестраиваться на конце жизни – это тяжело, Лялочка, это требует поддержки, это требует

из Берлина, обещали генеральский чин германской империи. Но от всех благ, которые ему предлагали, он отказался. Пленные в лагере считали его своим руководителем, и вскоре командование вынуждено было его перевести в другой лагерь. Любаша, пока эти сведения нельзя считать достоверными. Я еще приму все меры, чтобы уточнить их. Но я этим данным верю. Именно таким и представляю себе Дмитрия Михайловича... Очень прошу тебя, Любаша, попытайся разыскать семью Карбышевых и узнай, нельзя ли оказать ей помощь».

Крисанов не ошибся. Речь действительно шла о его учителе.

Фашисты не скупились на посулы, предлагая Карбышеву освобождение

Жена, Лидия Васильевна

из лагеря, возможность знакомиться с любимыми материалами в интересующих его областях военно-инженерного дела, устройство лаборатории и обеспечение любых научно-исследовательских мероприятий, самостоятельный выбор тем для научных работ, возможность выезда на любой фронт, кроме восточного, для проверки его расчетов в полевых условиях...

Все попытки склонить его к сотрудничеству с врагом Карбышев отверг.

Весной сорок пятого в Берлине было обнаружено отношение управления инженерных войск гитлеровской армии в гестапо. «Этот крупнейший советский фортификатор, – говорилось в нем, – кадровый офицер старой русской армии, человек, которому перевалило за шестьдесят лет, оказался насквозь зараженным большевистским духом, фанатически преданным идее верности воинскому долгу и патриотизму...»

Как окажется, Хаммельбург был лишь одной точкой, одним звеном в длинной цепи фашистских лагерей, которые пришлось пройти Дмитрию Михайловичу Карбышеву. Цепь оборвется в конце

войны – февральской ночью сорок пятого в Маутхаузене.

...Заместитель уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенант Голубев не решился на разговор с Лидией Васильевной. Он пригласил Лялю. Положил перед ней папку: «Читай. Как сказать маме, решишь сама».

В папке лежали листки с английским текстом и перевод.

«Мне осталось жить недолго, поэтому меня беспокоит мысль о том, чтобы вместе со мной не ушли в могилу известные мне факты героической жизни и трагической гибели советского генерала, благодарная память о котором должна жить среди людей ...»

Это было заявление Седдона де Сент-Клера, майора канадской армии, узника Маутхаузена, которое он сделал в госпитале Бешамот, в Англии. Он свидетельствовал о мужестве, проявленном Карбышевым в плену, его необычайном авторитете у военнопленных, силе духа вплоть до последних, трагических минут: «Я вспоминаю о нем, как о самом большом патриоте, самом честном солдате и самом благородном человеке, которого я встречал в жизни».

«Это только одно из многих свидетельств, – сказал Голубев. – Мы будем готовить материал на представление Дмитрия Михайловича по-

Старшая дочь, Елена

смертно к званию Героя Советского Союза».

Указ о присвоении звания был подписан 16 августа 1946 года.

Та маленькая иконка, которую Лидия Васильевна обычно клала в чемодан Дмитрию Михайловичу, собирая его в дорогу, провисела у нее на кровати на шнурке до конца ее жизни. Иконка, почему-то оставшаяся дома в июне сорок первого.

Когда она умерла, в кармане ее халата нашли стершееся на сгибах письмо – последнее письмо мужа.

И память о нем. Москва. Перекресток бульвара Генерала Карбышева и проспекта Маршала Жукова

Виктор Ахломов

Саундтрек из XVII века

В энциклопедиях, научных работах и исследованиях историков и искусствоведов этот город известен как *Ростов Великий*. Город, который постарше Москвы будет. Город, сохранивший целую россыпь древнерусских архитектурных и иных шедевров. И одной из самых ярких жемчужин этого ожерелья можно считать знаменитые ростовские звоны.

Их история насчитывает больше трех веков. Звон ростовских колоколов записал в середине шестидесятых годов кинорежиссер Сергей Бондарчук для своего фильма «Война и мир». По советским временам, это была самая высокобюджетная картина, которую после награждения премией «Оскар» посмотрело почти сто миллионов жителей планеты. Впервые голоса ростовских колоколов были записаны в кино в 1932 году, для фильма «Петр I». К тому времени по приказу большевиков звонница уже четыре года молчала, но уникальность ростовских звонов преодолела даже партийный запрет: ростовские колокола звучат в фильмах «Братья Карамазовы», «Семь нот в тишине», «Держись за облака» и еще в ряде других.

Давайте вспомним, как и почему в Ростовском Кремле появился такой неповторимый колокольный ансамбль. Почему самый большой двухтысячепудовый колокол называется Сысой. Выражаясь музыкальным языком, он издает звук двух разных нот – до и ми. То есть, как сказали бы музыканты, звучит в терцию.

Звонница Успенского собора была выстроена в XVII веке при митро-

полите Ионе Сысоевиче, триста лет назад. Сын простого монаха, он исключительно умом и талантом дошел до высокого сана в церковной иерархии – митрополита. И в этом качестве сделал много полезного для прославления Ростова Великого. Он прославил и своего отца, назвав самый большой колокол его именем – Сысой. Глас этого кампана слышен на десятки километров окрест, чему немало способствует эхо огромного и всегда спокойного озера Неро, на берегу которого стоит Кремль. Между прочим, другие колокола, поменьше, тоже имеют свои имена, согласно голосам; Лебедь, Баран, Полиелейный... И когда они начинают петь хором, возникает для хороших ушей небесная музыка.

Остается только гадать, как русские литейных дел мастера умели с такой точностью создавать огромные, столь высокой музыкальной чистоты инструменты. Ведь все колокола готовили прямо здесь, чуть ли не во дворе Ростовского Кремля. Вот одно из документальных свидетельств. Письмо митрополита Ионы Сысоевича другу в Ярославль: «На своем дворышке лю-

колоколишки – дивятся людишки!» Вот уже триста лет как дивятся!

Зная про звоны, решил ими поделить всех и режиссер «Войны и мира» Сергей Бондарчук. Кому первому пришла мысль вживую записать звоны к фильму, точно не известно. Называют Владимира Десятникова. Сегодня он писатель и художник, краевед и дипломированный историк архитектуры. А в то далекое время был молодым и талантливым чиновником министерства культуры СССР. Ему и поручили высокие инстанции организовать и провести эту необычную запись. Экспедицию собрали быстро, и морозным январским утром я построился фотографом к мосфильмовской команде.

Приехали в «небольшой социалистический город» (так назван Ростов-Ярославский в путеводителе середины XX века), нашли звонарей, а их оставалось тогда человек семь, кто звонили в колокола полвека назад. На колокольне пришлось строить деревянные настилы, привязывать веревкой за язык гигантского Сысои и опоясывать шнурами звонницу. Шнуры тянулись к тонвагену (автобус с записывающей аппаратурой). Пока шли приготовления, любопытный народ весь день толпился на Соборной площади в ожидании чуда. Ведь большинство горожан никогда не слышали знаменитых ростовских звонов. Все шло, как говорится,

Александр Сергеевич Бутылин

Соборная площадь. В ожидании чуда

НЕМНОГО ИСТОРИИ

(по страницам книги Владислава Горохова «Из века в век. Звонят колокола»)

Современный Успенский собор был построен 1502 – 1512 годах, но службы на этом месте велись намного раньше, с 991 года, в самом первом храме. А всего их было пять...

Один из настоятелей собора был отцом былинного русского витязя Алеши Поповича...

В 1314 году здесь был крещен отрок Варфоломей – Сергей Радонежский...

В соборе служил литургию святой праведный Иоанн Кронштадтский, а в 1913 году молился последний русский царь Николай II...

Вот как описывает набор колоколов Успенского собора известный исследователь М.Н. Тюнина: «“Сысой” – 2000 пудов (32 тонны), отлит Федором Терентьевым в 1688 г. и водружен на специально для этого пристроенной высокой части звонницы; “Полиелейный”, или “Полиелей”, – 1000 пудов (16 тонн), отлит в 1682 г. московским мастером Филиппом Андреевым и его сыном Киприаном; “Лебедь” – 500 пудов (8 тонн), отлит в 1682 г. также Филиппом Андреевым. Назвали так за красивый трубный звук; “Голодарь” – 171 пуд (2,7 тонны), трижды был перелит, последний раз в 1856 г., назван так потому, что в него звонили в Великий пост к определенным службам: “Баран” – 80 пудов (1,28 тонны) отлит в 1654 г. в Ростове московским мастером Емельяном Даниловым, умершим в том же году от моровой язвы.

Следующие колокола меньшего веса имеют названия “Красный”, “Козел”, остальные без названия, кроме двух небольших “званных”, первого и второго.

На восточной стене собора, обращенной к звоннице, висел маленький, но звучный колокол “Ясак” которым давали звонарям знак о начале звона».

На главной колокольне Московского кремля – Ивана Великого – звонит «Ростовский» колокол весом 3267 кг, отлитый в 1687 году...

штатно. Лишь однажды к нам подошли две матушки, как оказалось, жены двух звонарей. Они посокрушались, что последние дни их мужья ничего не едят и плохо спят. Видимо, волновались из-за предстоящей работы. Что ж, понять их можно. Чтобы создать безукоризненный аккомпанемент колокольного концерта, языком самого большого колокола – Сысой – нужно было управлять сразу двум музыкантам. Тогда и возникла знаменитая терция. В итоге все

получилось как нельзя лучше. Единственный «дефект», который остался в окончательном варианте, это точное подпевание в паузах ворон. Но позже его стали считать даже достоинством и подтверждением достоверности записи. За саундтрек, говоря сегодняшним языком, я считаю, тоже можно давать «Оскара».

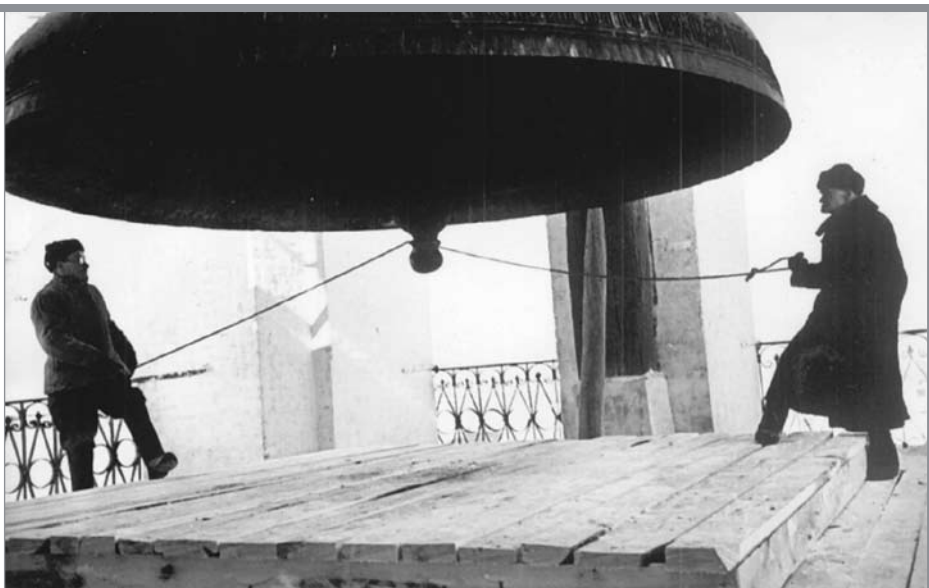
С тех пор прошло почти полвека, но я и сегодня помню имя главного дирижера и исполнителя того историческо-

*Александр Матвеевич Матвиенко.
Звукорежиссер студии им. Горького*

го концерта. Это Александр Сергеевич Бутылин. Вот он стоит на помосте с поднятыми в дирижерском жесте руками. К рукам тянутся колокольные нити, которыми солист должен вести основную мелодию. Ее исполняют колокола-солисты Баран и Лебедь. А Сысой им аккомпанирует.

Колокольный концерт удался настолько, что его записи выпустили большим тиражом на виниловых пластинках. А позже и на дисках. Эта музыка надежно хранится в моей душе и памяти. Я узнаю ее в любом новом фильме, где звучит этот исторический саундтрек.

Колокол Сысой – знаменитая терция

Его благословили спасать людей

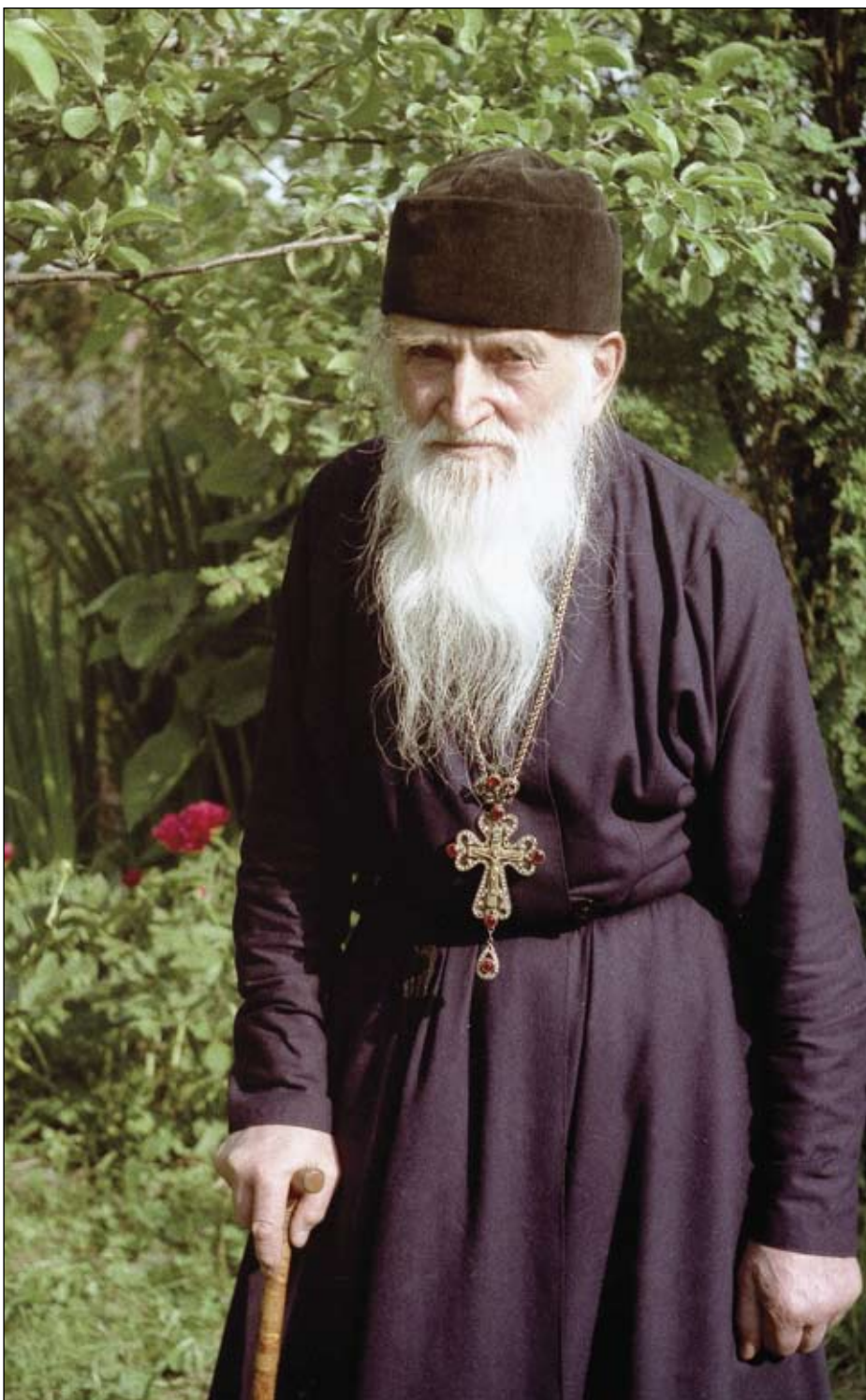
9 марта 2011 года ему исполнилось 98 лет. На следующий день митрофорный протиерей Василий Шве́ц ушел в жизнь вечную. Это произошло в Псково-Печерском монастыре, где он жил на покое последние годы.

Вопросы веры не особо волновали Василия и в детстве, и позднее, когда он стал студентом, хотя в отчем доме Господь почитался свято. Его больше влекла наука – он с упоением слушал лекции самого академика Павлова! Две войны – Финская и Великая Отечественная – на время застопорили его научную карьеру, но затем он вновь вернулся к любимому делу.

Когда хрущевская «оттепель» нагнала новую волну гонений на Русскую Православную Церковь, у Василия Федосеевича уже была готова докторская диссертация, и он приехал в Псково-Печерский монастырь к своему духовнику, ныне прославленному в лике святых иеросхимонаху Симеону (Желнину) за благословением на ее защиту. По рассказу самого о. Василия, тот, взяв в руки папку и расспросив, сказал: «Вы изучаете мертвое, а спасать людей надо!» И швырнул бумаги, разлетевшиеся по всей келье.

Спустя время о. Симеон все же благословил Василия Швеца, но... на священство. Потом были четыре десятка лет служения в Псковской епархии – в Никольской церкви деревни Каменный Конец, у Чудского озера, и долгие годы молитвы в пустом храме. А потом потянулись в Каменный Конец люди со своими духовными проблемами, бедами, в поисках утешения и совета...

Имя отца Василия хорошо известно многим верующим по его рассказам о спасении России в Великой Отечественной войне, о митрополите Гор Ливанских Илии (Караме), о Казанской иконе и другим.

Не считаясь с возрастом и недугами, батюшка много ездил по городам и весям, окормляя своих многочисленных духовных чад, приводя в лоно Церкви и простецов, и мудрецов. Проститься с батюшкой приехали сотни человек из разных мест на-

шей Родины и из-за рубежа. Местом упокоения протоиерея Василия стали Богом Зданные пещеры.

Упокой, Господи, душу раба Твоего Василия и сотвори ему вечную память!

Лариса Беляева

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЧЕМУ ОДНИ СЛЫШАТ ГОЛОС БОГА, А ДРУГИЕ – НЕТ?

Протоиерей Владислав Свешиков:
Информационный шум века сего
заглушает тишину мира небесного 2

*Евгений Ташков –
Павел Демидов*
У каждого свой союз с Богом.
А Его хватит на всех 4

*Анкета «Лампады»
Лариса Беляева*
Скажите, пожалуйста 8

Иерей Михаил Шполянский
Тайна слышания 10

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Сестра Иоанна
О смерти о. Сергия Булгакова 12

Юлия Антипина
Приникнуть к роднику, омыть душу 15

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Наталья Игнатович
Истинно дворянское занятие 16

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Марина Нецветаева
Лиля из Греции, Аврилия из Индии 20

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
Спасибо, капитан! 22

Юрий Соломин: Услышать, пока не поздно 24

Борис Сумашедов
«У меня что-то надломилось в душе» 25

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Светящийся мальчик с Арбата 26

МИР ВОКРУГ НАС

Светлана Валиуллина – Марина Нецветаева
«Просто иду по улице и чувствую: люблю» 30

Татьяна Яковлева
Дело генерала Карбышева 32

Виктор Ахломов
Саундтрек из XVII века 36

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Лариса Беляева
Его благословили спасти людей 38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка И.В. Бухаровой

Корректор Т.В. Глазкова

На обложке:

Храм свв. апп. Петра и Павла
на Прохоровском поле.

Фото В. Монастырева

Адрес редакции:

125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275

Выход в свет 10.05.2011

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы

Сбербанк России г. Москвы

ИНН 7712050269

р/с 40703810938080100250

БИК 044525225

к/с 3010181040000000225

КПП 774301001

Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени
типографии им. Скворцова-
Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ

Генеральный директор
Э.А. Галумов

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6,
Пушкинская пл., 5

Контактные телефоны: 694-3636,
694-3020

e-mail: izd.izv@ru.net

Тираж 1200 экз. Заказ № 1191

© Лампада, 2011

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться и
непосредственно в редакции.

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

подворье Спасо-Преображенского
монастыря (2-я Тверская-Ямская ул., 52)

Валаамского Троицы Живоначальной в Хохлах (Хохловский пер., 12)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

прп. Симеона Столпника на Поварской
(Поварская ул., 5)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

«Троицкая книга», магазин при Московском подворье
Свято-Троицкой Сергиевой лавры
(2-й Троицкий пер., 6-а, стр. 1)

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
(ул. Б. Ордынка, 39)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими во-
ротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

царевича Димитрия при Голицинской (1-й Градской)
больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

свт. Николая в Хамовниках (ул. Льва Толстого, 2)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)